Тема 8: «Политические и правовые учения в России в XIX – начале XX вв. Советская и современная правовая мысль»

Учебная литература:

1. История политических и правовых учений: учебник / Под общ. ред. М.Н. Марченко. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 655 с.
2. Мазарчук, Д.В. История политических и правовых учений: учебное пособие / Д.В. Мазарчук. М.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2015. 101 с.
3. История политических и правовых учений: учебник / отв. ред. В.В. Лазарев. 3е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 800 с.
4. История политических учений. Вып.1 / Н.М. Азаркин, В.Н. Левченко, О.В. Мартышин. М.: Юрист, 1994. 132 с.
5. История политических учений. Вып.2,3 / под ред. О.В. Мартышина. М.: Юрист, 1996-2000. 368, 560 с.
6. История политических и правовых учений: учебник / под ред. М. Н. Марченко. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 656 с.
7. История политических и правовых учений: Хрестоматия / Сост. и ред. Г.Г. Демиденко, Г.А. Борисов. Белгород, 1999. 1158 с.
8. История политических и правовых учений: Хрестоматия / Под ред. О.Э. Лейста. М.: Городец, 2000. 512 с.

Вопрос 1 Общая характеристика развития политико-правовой мысли в России в XIX–начале XX вв. Либеральная и консервативная политико-правовая мысль

Общественный подъем и воодушевление, связанные с крестьянской реформой 1861 г. и последующими реформами в области суда, образования, местного управления и самоуправления, придали новый стимул идейно-политическим течениям и философско-правовым построениям. Произошло дальнейшее идейное размежевание между консерваторами, либералами и радикалами, возникли ранее неизвестные разновидности политических программ и единений, в том числе нелегальных.

В кризисный период накануне крестьянской реформы обозначились три важные позиции в вопросе о крестьянстве: ожидание освобождения, часто нетерпеливое в среде самого крестьянства; опасение новой пугачевщины в правительственных и консервативных помещичьих кругах; сочувствие крестьянству и обдумывание путей выхода из кризиса со стороны реформистски и радикально настроенных слоев общества, публицистов и политиков. Каждая из этих позиций имела свою предысторию, и каждая из них получила новые очертания на последующих этапах политической и социальной истории – в период первоначального осуществления реформ и затем в период их частичной приостановки.

Первоначально правительственная программа предусматривала лишь право крестьян на приобретение в собственность посредством выкупа только «усадебной оседлости» (т. е. крестьянского дома с прилегающим участком) и на пользование всеми иными землями лишь за повинность, исходя из «местных обстоятельств и обычаев». В последующем было признано необходимым наделение крестьян землей в более широких масштабах и с неременной передачей наделной земли в собственность за выкуп. 18 октября 1858 г. Александр II на заседании Главного комитета по крестьянскому делу перечислил основной круг текущих задач: а) чтобы крестьянин немедленно почувствовал, что быт его улучшен; б) чтобы помещик немедленно успокоился, что интересы его ограждены; в) чтобы сильная власть ни на минуту на месте не колебалась и общественный порядок не нарушался. Две Редакционные комиссии при Главном комитете, которые с марта 1859 г. возглавил Я.И. Ростовцев, включали четыре отделения: юридическое, административное, хозяйственное и финансовое. Общее направление усилий этих комиссий и их руководителя

были направлены к тому, чтобы «установить самое строгое равновесие между интересами дворянства и интересами освобождаемого народа; оградить первое от несправедливых потерь и учредить последнему возможность достигнуть благоденствия в будущем» (из записки Я.И. Ростовцева).

Деятельность комиссий вызвала большой общественный резонанс и критический анализ. В очерке «Проект действительного освобождения крестьян», написанном Николаем Серно-Соловьевичем (в недалеком будущем он станет организатором первой «Земли и Воли»), утверждалось, что крестьяне должны обрести свободу вместе с землей, причем «всякие обязательные отношения» с помещиками надлежит прекратить. Перестать быть крепостными, в понятиях крестьян, значит платить подати не помещику, а в казну. Помимо этого автор излагает и обосновывает программу из 12 пунктов, в которой есть положения общеустроительного (конституционного) характера: равенство всех перед судом и законом, освобождение судебной власти от административной, ответственность всех органов управления, право контроля над сбором и расходованием казенных средств и над изданием законов, свобода совести и вероисповедания и др. Среди 12 пунктов имелись и такие требования, как отмена гражданских чинов, полная амнистия всех страдающих за политические убеждения. Сам автор называл свою программу «естественным следствием» главного пункта – отмена крепостного права. Эту программу, замечает он, можно назвать конституцией, если говорить иностранными словами, «по-нашему – это правильное государственное устройство».

Важную часть программных установок Серно-Соловьевича составляли защита, сохранение и упрочение общинного владения. Последнее изображалось «единственным доселе оплотом против порабощающего влияния капитала, развития пролетариата и батрачества, неизменных спутников частной собственности». Как только община освободится от двойного гнета крепостного права и бюрократизма и некоторое время поживёт «собственною естественною жизнью», тогда и обнаружится вполне «громкая сила начала, благодаря которому русский народ сохранился вопреки систематическому вековому растлению». Так представитель нарождающегося народничества конца 50-х гг. вносил новые акценты в обсуждение проблем общинного быта, начатый славянофилами 30–40-х гг.

В некоторых пунктах народническая программа совпадала с позицией радикального крыла дворянских реформаторов, лидером которых по праву считался А. Унковский. «Либеральная партия» в конце 50-х гг. была представлена Кавелиным и Чичериным, которые рассматривали свою партию окруженной с разных сторон «невежественной массой», «тупоумными консерваторами» и «бессмысленной, преступной бюрократией», а себя воспринимали «частью просвещенных и порядочных людей, которые одни только понимают общественные задачи». Они признавали необходимость освобождения крестьян, но «без потрясения принципов». При этом особая роль признавалась за государственной властью – ее задачу видели в освобождении крестьян сверху. Согласно Чичерину, именно государство явилось на Руси орудием закрепощения сословий, причем одновременно с закрепощением крестьян было наложено общественное тягло на другие сословия – дворянство и купечество, которые были в свое время освобождены от него жалованными грамотами Петра III и Екатерины II.

Алексей Михайлович Унковский (1828–1893/94), выпускник Царскосельского лицея и затем юридического факультета Московского университета, известен как инициатор и разработчик наиболее радикального проекта решения крестьянского вопроса. Проект еще в 1857 г. был представлен Александру II от имени дворянства Тверской губернии. В нем обосновывалось положение о немедленном и обязательном выкупе крестьянами не только усадьбы, но и полевого надела. В своем разборе трудов Редакционных комиссий Унковский проводил мысль о том, что правительственный проект стремится «пройти незаметным образом между защитниками крепостного права и людьми, желающими полного его уничтожения».

Обязательный выкуп земельной ренты, писал Унковский, есть мера вполне законная,

справедливая в отношении обеих заинтересованных сторон. «Право капитализации и выкупа бессрочной ренты давно признано за правительствами всех стран и народов. При выкупе ренты обе стороны получают несомненные выгоды; право собственности помещиков нисколько не нарушается, ибо дело состоит в замене одного предмета другим равноценным, а крестьяне получают полное право собственности на землю, не делая для этого никаких особых пожертвований. «Все знают в чем дело и понимают цель правительства. Совсем другое дело представляет «добровольный» выкуп, предложенный Реакционными комиссиями».

Разумеется, что при этом право частной собственности должно почитаться как священное, но есть, отмечал Унковский, и другие права, которые «выше и священнее права, собственности. К числу таких прав принадлежит право жизни и разумно свободной деятельности. Этому праву должно всегда уступать право частной собственности, а в особенности в тех случаях, когда оно служит не только частной жизни, но и государственной».

Таким образом, при всем внешнем разнообразии трактовок существа крестьянского вопроса в критической литературе 50-х гг. обозначились две позиции – либеральная и народническая, причем последнюю можно назвать радикальной версией и развитием славянофильской доктрины.

В Манифесте от 19 февраля 1861 г. Александр II в числе мотивов его принятия отметил и «свой обет обнимать царскою любовью и попечением всех наших верноподданных всякого звания и состояния» и необходимость «изменения положения крепостных людей на лучшее». Первоначально текст Манифеста было поручено подготовить Ю. Ф. Самарину, но с его проектом не согласились, и его проект в виде материала был передан митрополиту Филарету, который и составил окончательный текст. Очевидно, с этим обстоятельством связано присутствие в тексте Манифеста многих торжественных формул и церковно-учительной аргументации в пользу «дарованных прав». «Самый благотворный закон не может людей сделать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучие под покровительством закона. Довольство приобретается и увеличивается не иначе как неослабленным трудом, благоразумным употреблением сил и средств, строгою бережливостью и вообще честною в страхе Божиим жизнью».

Митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) прожил долгую жизнь (1782–1867) и стал в силу благоприятных обстоятельств своей многолетней архипастырской деятельности высокоавторитетным выразителем взглядов православной иерархии на государство и право.

В наше время многие народы мало знают о соотношении государства и царства божия, говорил Филарет и давал этому такое объяснение: «Им не нравится старинное построение государства на основании благословения и Закона Божия; они думают гораздо лучше воздвигнуть здание человеческого общества в новом вкусе на песке народных мнений, поддерживать его бурей бесконечных распрей. Их новые построения никогда не достраиваются, каждый день угрожают падением, часто действительно рушатся...» В этом обобщении нетрудно обнаружить оценку конституционных перемен («новых построений») в европейских государствах после Французской революции 1789 г.

Устремление европейских народов к представительному правлению он не поддерживал, полагая, что борьба за избирательные права никогда не утихнет, поскольку не имеет четких критериев: это есть «борьба то за расширение, то за ограничение сего права. За неправильным расширением права общественного избрания следует неправильное употребление оного». В обстановке политической жизни при Николае I и затем Александре II до начала реформ 60-х гг. он видел благоприятный контраст. «Не то в отечестве нашем Самодержавная власть, утвержденная на вековом законе наследственности, некогда в годину оскудевшей наследственности обновленная и подкрепленная на прежнем основании чистым и разумным избранием, стоит в неприкосновенной непоколебимости и действует в спокойном величии. Подвластные не думают домогаться права избирать в общественные

должности по уверенности, что власть радеет о благе общем и разумеет, чрез кого и как устроит оное. Власть по свободному изволению и доверию к подвластным дает им право избрания общественного назначения, назначая оному разумные пределы».

Самым важным после самодержавной власти учреждением, обеспечивающим порядок и обретение общего блага, он считал суд и высказывал в этой связи радикальные для своего времени мнения и пожелания. Например, в 1813 г., в бытность свою викарием Санкт-Петербургской митрополии, он высказывался в пользу избрания судей. Суд в его изображении есть ограда собственности и личной безопасности, без суда не было бы другой собственности, кроме добычи хищника, и не было бы другой безопасности, кроме «безопасности вооруженного и бодрствующего воина или безопасности сильного притеснителя, доколе он не встретится с сильнейшим...». Правда, закон поставлен не только для подсудимых, но и для судии – «дабы вразумлял его и управлял им», однако существенным является при этом и то, что закон должен быть мудрым и справедливым. Мудрость и справедливость отверзают судье очи, дабы видел он, что он творит. Судья справедливый изъясняет закон совестью. Одновременно с этими правосудными заботами судья не должен забывать и о том, что он есть «око верховной власти, дабы надзирать благосостояние всего тела государства и каждого из его членов... ее мышца, дабы приводить их в правильное движение, ее руки, дабы простирать ее для охранения их, он есть преемник и сопроводитель животворной силы, текущей от сердца во все тело государства – любви государя к подданным».

Общий вывод о назначении суда и его устроения через избрание сочетает технико-организационные характеристики с нравственными. «Устроение суда чрез избрание важнейших блюстителей общественного порядка и правосудия есть одно из важнейших дел человеческих, от него много зависит благо и зло многих людей, благоустройство или нестроение общества, совершенство или несовершенство союза между государем и государством».

Реформа 1861 г. не оправдала ожиданий крестьян в отношении земельного обеспечения и свободы и вызвала различные нарекания среди сторонников реформы и тем более ее противников.

Одним из наиболее известных государственных деятелей России 19 века был Михаил Михайлович Сперанский (1772-1839). Сперанский родился в семье священника в селе Черкутино Владимирской губернии. С семи лет обучался во Владимирской семинарии, а с 1790 г. – во вновь открывшейся главной семинарии при Александро-Невском монастыре в Петербурге. Необыкновенные способности выдвинули его из Среды учеников и по окончании курса он был оставлен учителем математики, физики, красноречия и философии. Изучив самостоятельно политическую и философскую литературу на немецком французском и английском языках, он приобрел весьма широкие знания, познакомился со взглядами Вольтера и французских энциклопедистов. Позднее стал домашним секретарем князя А.Б. Куракина, известного дипломата и государственного деятеля.

В 1797 г. он поступил на службу в канцелярию Куракина, занявшего при вступлении Павла на престол место генерал-прокурора. При воцарении Александра Сперанский получил звание статс-секретаря и в 1802 году перешел на службу в Министерство внутренних дел. Здесь он скоро обратил на себя внимание, и в следующем году министр В. Кочубей поручил ему составить план судебных и правительственных мест в империи.

В 1806 году произошло личное знакомство Сперанского с Александром – во время своей болезни Кочубей начал посылать его с докладом к государю, последний оценил выдающиеся способности чиновника и приблизил его к себе; он не был похож как на екатерининских вельмож, так и на его молодых друзей. Александр проявил интерес к этому человеку, что само по себе уже было явлением. В 1808 году он включил его в свиту во время своего свидания с Наполеоном. Став основным советником императора, Сперанский получил задание подготовить общий проект государственных преобразований в России.

По проекту Михаила Михайловича во главе государства должен стоять монарх,

облеченный всей полнотой власти. При нем надлежит иметь Государственный совет, представляющий собой совещательный орган назначаемых монархом сановников.

В совете обсуждаются все крупные государственные мероприятия; через него к государю поступают все дела от нижестоящих органов, и таким путем осуществляется единство всей деятельности правительства.

Кроме того, должны быть выборные Государственная и местные думы. Волостную думу составляют все имеющие право голоса и старшины государственных крестьян (по одному от 500 человек). Она решает все местные вопросы и на три года выбирает депутатов в окружную думу. Последняя занимается делами своего округа и выбирает депутатов в губернскую думу. Депутатов в Государственную думу – высший представительный орган – избирает губернская дума из своих членов. Государственная дума обсуждает предложенные ей свыше законопроекты, которые потом передаются в Государственный совет и на утверждение государю.

Сперанский предлагал принцип выборности и при создании судебной власти. По его мнению, волостной, окружной и губернский суды должны быть выборными. Однако высшая судебная инстанция – судебный Сенат (который одновременно оставался административным учреждением) должен назначаться государем пожизненно из числа представителей, избранных в губернских думах.

Выборная система Сперанского имела в своей основе не сословный (феодалный) принцип, а имущественный ценз (владение движимым и недвижимым имуществом), что свидетельствовало о сохранении неравенства сословий. Все население России делилось на следующие три категории: дворянство, обладавшее всеми гражданскими и политическими правами; люди "среднего состояния" (купцы, мещане, государственные крестьяне), которые имели только гражданские права – собственность, свободу занятий и передвижений, право выступать от своего имени в суде, и "народ рабочий" – помещичьи крестьяне, слуги, рабочие и домашние, не имеющие никаких прав. Избирательным правом могли пользоваться только представители первых двух категорий. Таким образом, основные политические права получали лишь два сословия.

Для третьего сословия – "народа рабочего" – проект реформатора предоставлял некоторые гражданские права при сохранении крепостного строя. Сперанский считал, что крепостное право будет отменено постепенно, путем развития промышленности, торговли и просвещения, так как "нет в истории примера, чтобы народ просвещенный и коммерческий мог долго в рабстве оставаться". Сохраняя существование сословий, проект Сперанского ослаблял сословные перегородки, предусматривая более широкую возможность перехода из "среднего состояния" в дворяне путем выслуги, а из "народа рабочего" – в "среднее состояние" путем приобретения собственности. Объективно планы реформатора были направлены на некоторое ограничение самодержавия путем расширения прав дворян и буржуазии, на более быструю эволюцию абсолютной монархии в сторону монархии буржуазной. В то же время план был абстрактным, "но ни государь, ни министр никак не могли подогнать его к уровню действительных потребностей и наличных средств России" – писал В.О. Ключевский. Сперанский переоценивал возможности самодержавия и недооценивал господствующую силу дворянства, которое не могло добровольно пойти на ограничение своей власти. Поэтому радикальные социальные реформы не могли быть претворены в жизнь в условиях крепостнической России.

Самого Александра I вполне устраивали лишь частичные преобразования крепостнической России, одобренные либеральными обещаниями и отвлеченными рассуждениями о законе и свободе. Хорошо его знавший А.Чарторыйский писал: "Император любил наружные формы свободы подобно тому, как увлекаются зрелищами. Ему нравился призрак свободного правительства, и он хвастал им; но он домогался одних форм и наружного вида, не допуская обращения их в действительность; одним словом, он охотно даровал бы свободу всему миру при том условии, чтобы все добровольно подчинились исключительно его воле".

Две частные меры, имевшие внутреннюю связь с готовившимися реформами, указывали, какие люди требуются для новых правительственных учреждений. Указ от 03 апреля 1809 года о придворных званиях определял, что звания не являются отличием и не дают права на чин. Придворные лишались звания, если не состояли на государственной службе. Другой указ, от 06 августа, устанавливал правила производства в чины по гражданской службе. Теперь для получения соответствующего чина требовалось пройти всю иерархию службы: чиновнику, начиная с VIII класса и выше, требовался университетский диплом, при отсутствии последнего надлежало сдавать экзамен по программе, приложенной к указу. Оба указа вызвали недовольство и переполох в придворном обществе и среди чиновников, так как готовились тайно и были изданы совершенно неожиданно.

Существенные части преобразовательного плана Сперанского относились к центральному управлению и придали ему более стройный вид.

1 января 1810 года был объявлен манифест Александра I об упразднении Непременного совета и учреждении Государственного совета. В последний вошли 35 высших сановников, назначенных государем. Государственный совет должен был обсуждать все подробности государственного устройства, насколько они требуют новых законов, и свои соображения представлять на усмотрение императору.

Находясь в большом приближении у государя, Сперанский сосредоточил в своих руках все текущие дела управления: он занимался и финансами, которые были в большом расстройстве, и дипломатическими делами, в которые его посвящал сам государь, и устройством Финляндии, тогда завоеванной русскими войсками. В 1811 г. по инициативе Сперанского были реорганизованы министерства. Упразднялось Министерство коммерции, дела которого распределялись между министерствами финансов и внутренних дел. Для решения дел о внутренней безопасности было образовано Министерство полиции. Учрежденные новые особые ведомства – государственного контроля, духовных дел иностранных вероисповеданий и путей сообщения – стали существовать со значением министерств. Были определены состав и делопроизводство последних, пределы власти министров, их ответственность.

Конституционные проекты декабристов. «Дней Александровых прекрасное начало» (А.С. Пушкин) способствовало появлению оппозиционных организаций, объединившихся в общества: «Орден русских рыцарей» (1815), «Союз спасения» (1818), «Союз благоденствия» (1818) и, наконец, на основе распада последнего Северное и Южное общества. Их участники составляли программы, предусматривающие различные варианты изменения российской абсолютной монархии и ликвидации крепостного права.

Павел Иванович Пестель (1793–1826) родился в Москве в семье крупного чиновника. П. И. Пестель получил домашнее образование, продолжив его в Германии, а по возвращении в Россию окончил первым учеником Пажеский корпус. В 1812 г. стал участником Отечественной войны, проявил недюжинную храбрость и был награжден золотым именованным оружием. В 1821 г. был произведен в чин полковника, и перед ним открылась блестящая военная карьера. Но П.И. Пестель избрал другой жизненный путь. В целях преобразования общества и государства он вступает в тайные союзы и впоследствии становится организатором и главой Южного общества, для которого и создает «Русскую правду» в качестве теоретической программы дальнейших действий.

Результатом деятельности тайных обществ становится восстание на Сенатской площади Санкт-Петербурга 14 декабря 1825 г., после подавления которого П.И. Пестель был осужден «вне разрядов» и приговорен к смертной казни.

По своим философским взглядам П.И. Пестель был материалистом и атеистом. В своих социальных взглядах он исходил из положения о естественном равенстве всех людей и взаимном стремлении к общественной жизни для удовлетворения потребностей на основе разделения труда. Он различал общественное и государственное устройство, определяя государство как приведенное в законный порядок общество. Последнее возникло в силу природного разделения людей на повинующихся и повелевающих. Правительство имеет

обязанность «распоряжаться общим действием и избирать лучшие средства для достижения Благоденствия всем и каждому- народ имеет право требовать от правительства, чтобы оно непременно стремилось к общему и частному Благоденствию». Государство существует на равновесии взаимных прав и обязанностей правительства и народа, если же таковое равновесие утрачивается, то «государство входит в состояние насильственное и болезненное». Поэтому необходимо создать такие законы, посредством которых возможно поддержание подобного равновесия. «Цель Государственного устройства – возможное Благоденствие всех и каждого», и достигается она только на основе законов.

Все законы Пестель делил на три вида: духовные, естественные и гражданские.

Духовные законы известны из Священного Писания: они «связывают духовный мир с естественным, жизнь бренную с жизнью вечной».

Естественные законы вытекают из требований природы и нужд естественных, и они «глубоко запечатлены в наших сердцах. Каждый человек им подвластен, и никто не в силах их низвергнуть».

Государственные законы представляют собой постановления государства, которые ставят себе задачей достижение общественного Благоденствия, и потому они должны издаваться в полном соответствии с законами духовными и естественными. Такое соответствие является непременным условием их действительности.

Другим условием, определяющим содержание государственных законов, служит приоритет общественных интересов: выгоды целого всегда превалируют над выгодами части. Гражданские законы составляются таким образом, чтобы интересы отдельного индивида не противоречили интересам всего общества в целом. Если действия правительства, равно как и действия отдельных лиц, «будут основываться только на подобных непременных законах, то пользование Благоденствием станет возможным для всех». Всякое действие, противное Благоденствию, следует признавать преступным. Каждое справедливо устроенное общество обязано находиться под непременной властью законов, а не личных прихотей правителей.

Пестель усматривал определенные различия в «коренных законах» отдельных стран и народов, но, в отличие от Ш. Монтескье, связывал эти различия не только с географической средой и климатическими условиями, но преимущественно с теми социальными и политическими институтами и учреждениями, которые сложились в том или ином государстве.

Государственная организация в России не служит достижению общественного Благоденствия и потому характеризуется Пестелем как «зловластие», приносящее стране и народу унижение, ниспровержение законов и в конечном итоге – гибель самого государства. Поэтому имеющиеся в России нарушения неизменных и коренных законов (естественных, духовных и положительных) «требуют изменения существующего ныне государственного порядка и введения вместо него такого, который был бы основан только на точных и справедливых законах и постановлениях и не представлял бы ничего личному самовластию и в совершенной точности удостоверял бы Народ Российский в том, что он составляет Гражданское общество, а не есть и никогда не может быть чьей-либо собственностью или принадлежностью». В этих положениях Пестель сформулировал право на революционное ниспровержение правительства, нарушающего в своих действиях духовные, естественные и положительные законы.

Критика абсолютной монархии как формы правления сопровождается у Пестеля осуждением крепостного права, которое он считал несовместимым с понятием Благоденствия государства и его подданных.

«Русская правда» предлагает план социальных и политических преобразований в России, а также совокупность средств по его реализации.

Социальная программа П. И. Пестеля радикальна. Он требует отмены крепостного права и безвозмездного наделения всех крестьян землей.

Земля по естественному праву является достоянием всех людей, а следовательно, каждый

человек должен иметь в ней свою долю, так как земля – главный источник «пропитания человечества». Но согласно современным положительным законам установлена частная собственность, и право собственности так глубоко укоренилось в сознании людей, что полностью сломать его невозможно, тем не менее необходимо найти пути объединения этих двух тенденций и разрешения противоречия между ними. План П.И. Пестеля состоит не в ликвидации собственности на землю, а в превращении всех россиян в собственников.

Всю землю он предполагает разделить на две части: волостную (общественную) и частную. «Первая представляет собственность общественную, вторая – собственность частную». Волостная земля неприкосновенна, и она, в свою очередь, разделяется на участки, которые раздаются членам волости. Таким образом, все россияне становятся помещиками. В случае переселения какого-либо крестьянина в другие места земля поступает в распоряжение волости и в обороте не участвует. При возвращении бывшего члена волости в деревню ему из волостного фонда выдается необходимое для пропитания количество земли. Право частной собственности названо П.И. Пестелем «священным и неприкосновенным». Он считал, что в силу природного неравенства людей в способностях и физической силе в обществе сохранится и деление на бедных и богатых, но тем не менее каждый «россиянин будет совершенно в необходимом обеспечен и не попадет ни в чью зависимость».

Переход «из нынешнего состояния» к будущим порядкам предполагается постепенный. Земля у помещиков выкупается оброком или работой, с оставлением в частных руках не более чем по десяти тысяч десятин на хозяйство, причем с оплатой только половины изъятой земли, остальное экспроприируется безвозмездно. Вначале новые порядки вводятся только на казенных землях, а затем разрабатывается постепенный и последовательный план перехода всех земель в этот правовой режим.

Политическим идеалом П.И. Пестеля является республика. «Я сделался республиканцем и ни в чем не видел большего благоденствия и высшего блаженства для России, как в республиканском правлении».

В организации верховной власти в государстве Пестель различает Верховную законодательную власть и Управление (исполнительную власть). Верховная власть вручается Народному вечу, исполнительная – Державной думе, а надзор за их деятельностью – Верховному собору, которому принадлежит блюстительная власть.

Избирательным правом пользуются все лица мужского пола, достигшие двадцатилетнего возраста, за исключением находящихся в личном служении.

Народное вече – однопалатный орган, избираемый сроком на пять лет с ежегодным переизбранием одной пятой его части, при этом «тот же самый может быть опять избран». Вече представляет собой «одно целое и на каморы не разделяется... вся законодательная власть в нем обретается. Оно объявляет войну и заключает мир», «а также принимает законы «заветные» (основные) и все прочие. «Никто не может распустить Народной вечи. Она представляет волю в государстве, душу народа».

Исполнительная власть – Державная дума – состоит из пяти человек, избираемых сроком на пять лет; один из них сроком на один год избирается президентом. Державной думе принадлежит высшая исполнительная власть, она «ведет войну и производит переговоры, но не объявляет войны и не заключает мира. Все министерства и вообще все правительствующие места состоят под ведомством и начальством Державной Думы».

Блюстительная власть – Верховный собор – состоит из 120 человек, именуемых боярами, которые назначаются на всю жизнь и не участвуют ни в законодательной, ни в исполнительной власти. Кандидатов назначают губернии, а Народное вече замещает ими «выбылые места». Каждый закон направляется на утверждение в Верховный собор, который не входит в его рассмотрение по существу, но тщательно проверяет соблюдение всех необходимых формальностей и только после утверждения Верховным собором закон получает юридическую силу.

Собор имеет серьезные контрольные функции, так как назначает по одному из своих членов в каждое министерство и в каждую область. Главнокомандующие действующих

армий также назначаются Верховным собором, и сам Верховный собор «принимает начальство над армией, когда она выступает за пределы своего государства». Таким образом, по мысли Пестеля, «Собор удерживает в пределах законности Народную вечу и Державную Думу». Собор имеет право отдавать под суд чиновника любого уровня за злоупотребления.

Действия законодательной и исполнительной властей, а также государственное устройство определяются Конституцией, которую Пестель называет Государственным заветом.

Россия представлена в проекте Пестеля федерацией с разделением «всего пространства на 10 областей и 3 удела». Каждая область, в свою очередь, состоит из пяти губерний или округов, губернии из уездов, а уезды из волостей. Местные органы власти строились по образцу центральных

Интересны соображения Пестеля об определении положения различных народностей, населяющих территорию России. «Весь российский народ составляет одно сословие – гражданское; все нынешние сословия уничтожаются и сливаются в одно сословие – гражданское. Все различные племена, составляющие

Российское государство, признаются русскими и, слагая свои различные названия, составляют один народ русский».

Права у всех народов, населяющих Россию, равные, но в целях «благоудобства» Пестель считал, что из всех народов следует составить единый русский народ. В таком устройстве Россия будет иметь вид «Единородства, Единообразия и Единомыслия».

Национальное самоуправление предоставляется только Польше, но при условии неукоснительного введения порядков, предусмотренных «Русской правдой».

Столицу русского государства П. И. Пестель предложил перенести в Нижний Новгород, который он рассматривал как географический центр России и колыбель русской вольницы.

Сословные привилегии, титулы и звания уничтожаются, и все признаются российскими гражданами. При определении вида занятий и предоставлении должностей во внимание принимаются только личные способности граждан, которые могут быть обнаружены «во всех сословиях».

В «Русской правде» уделяется большое внимание обоснованию необходимости введения общедемократических прав и свобод: неприкосновенности личности, равноправия, свободы совести, слова, собраний и т.д. Однако православию оказывалось государственное покровительство, а создание партий вообще запрещалось из опасения разрушения единства народа и нового общественного порядка.

Средством достижения предполагаемых преобразований Пестель считал военно-революционный переворот с немедленной ликвидацией монархии и физическим уничтожением членов царской фамилии в целях предотвращения реставрации монархии.

Проведение всех необходимых для установления «нового строя» мероприятий поручается Временному Верховному правлению во главе с диктатором, учреждаемым сроком на десять–пятнадцать лет. Пестель полагал, что установление конституционного режима станет возможным только тогда, когда нынешние порядки не только прекратят свое существование, но и воспоминание о них изгладится из народной памяти.

Проект организации и деятельности Временного правительства во многом напоминает известную схему М. Робеспьера, представленную последним Конвенту в знаменитой речи «О принципах революционного и конституционного правлений» (1793).

Пестель создал проект республики, но осуществление его поставил в зависимость от революционной диктатуры, вводимой на значительный срок. Ратуя за строгую законность, вместе с тем он был за установление революционной диктатуры, практически не связанной в своих действиях законами.

Со своими проектами Конституции выступил глава Северного общества Никита Михайлович Муравьев (1796–1843). Он родился в Петербурге, в семье, принадлежащей к крупной землевладельческой аристократии. Домашнее образование он получил под руководством отца, который был воспитателем царевичей Александра и Константина и

попечителем Московского университета. Учился в университете на математическом факультете, не окончив который ушел добровольцем в действующую армию в 1812 г.

Политико-социальные взгляды Н.М. Муравьева сложились под влиянием французских просветительских и политических учений, а также трудов греко-римских мыслителей и русских писателей и историков. Н.М. Муравьев увлекался отечественной историей. Особенно серьезное влияние оказал на него исторический труд Карамзина, хотя в их политических позициях обнаружилось серьезное разногласие. Анализу политических взглядов Карамзина Муравьев посвятил специальное исследование.

В 1816 г. по возвращении из Парижа в Москву Н.М. Муравьев становится членом нескольких оппозиционных организаций: масонской ложи «Трех добродетелей», «Союза спасения», «Союза благоденствия», а затем и правителем Северного общества. Арестован он в декабре 1825 г., осужден по первому разряду и приговорен к каторжным работам на двадцатилетний срок. Умер в 1843 г. и похоронен в селе Урик Иркутской губернии.

Свою политическую и социальную программу Муравьев изложил в трех проектах Конституции, последний из которых, называемый тюремным, написан уже в тюрьме по требованию следственных властей и является самым радикальным из всех его проектов. Н.М. Муравьев хорошо знал конституции американских штатов, Декларацию и конституции революционной Франции.

Н.М. Муравьев был глубоко религиозным человеком, и в его учении доводы естественно-правовой доктрины переплетаются с положениями новозаветного учения. С позиций школы естественного права и теории договорного происхождения государства Н. М. Муравьев осуждал абсолютную монархию, считая такую форму правления противоестественной. Самодержавие несовместимо со здравым смыслом, ибо всякое повиновение, основанное на страхе, не достойно ни разумного правителя, ни разумных исполнителей (а как же страх Божий?). «Русский народ – свободный и независимый – не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства. Источник власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для себя». Каждый народ образует свое государство по договору, но при этом он сохраняет свой суверенитет и не утрачивает естественные права. «Свобода заключается вовсе не в том, чтобы иметь возможность совершать все дозволенное законами, как полагал Монтескье, а в том, чтобы иметь законы, соответствующие неотчуждаемым правам человека... Всякие иные законы есть злоупотребление, основанное на силе, но сила никогда не устанавливает и не обеспечивает никакого права».

Первым мероприятием в ряду преобразований, провозглашенных Н.М. Муравьевым, была отмена крепостного права. «Крепостное состояние и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся к земле русской, становится свободным». В тюремном варианте проекта Конституции предусмотрен и порядок ликвидации крепостной зависимости: одновременно с личным освобождением «помещичьи крестьяне получают в свою собственность дворы, в которых они живут, скот и земледельческие орудия... и по две десятины на каждый двор для оседлости их». В случае успешного хозяйствования крестьяне имеют право «приобретать землю в потомственное владение». Никаким выкупом освобождение крестьян в проектах Муравьева не сопровождалось. Все жители России объявляются равноправными, «гражданские чины и классы уничтожаются». Учреждается единая система налогов, которые платят все россияне с 18- и до 60-летнего возраста, провозглашаются равные для всех права и свободы: свобода слова, совести, передвижения и занятия любым делом и т.д. «Каждый имеет право заниматься тем промыслом, который кажется ему выгоднейшим», и «всякий русский имеет право ехать куда ему угодно и делать все то, что не ограничено и не запрещено законом», а также «излагать свои мысли невозбранно и сообщать оные посредством печати своим соотечественникам». Каждый гражданин может обращаться со своими жалобами и пожеланиями в Народное вече.

Формой правления, наилучшей именно для России, Н.М. Муравьев считал конституционную монархию, основанную на принципе разделения властей, которое создает

необходимые гарантии для взаимоконтроля высших властей в государстве.

Законодательная власть вручена Народному вечу, «составленному из двух палат: Верховной Думы и Палаты Представителей». Избирательным правом пользуются все совершеннолетние жители (кроме лиц, находящихся в частном услужении), имеющие движимое или недвижимое имущество.

Верховная Дума избирается сроком на шесть лет и каждые два года обновляется на одну треть своего состава при общем количестве, равном сорока пяти членам. Члены Думы должны быть не моложе 30 лет и обладать недвижимым или движимым имуществом не менее, нежели в шесть тысяч рублей серебром.

Палата Представителей состоит из 450 членов и избирается сроком на два года. Наличие второй палаты обусловлено государственным устройством, организуемым на основе федерации с предоставлением каждому члену-федерату соответствующих мест в общем законодательном органе.

Государственные чиновники, а также лица, находящиеся на казенной службе, не могут быть избраны ни в одну из палат законодательного органа.

Законодательной инициативой обладают члены обеих палат и министры. Законы принимаются или отвергаются простым большинством голосов.

Монарх как глава исполнительной власти не может изменять и отменять законы, равно как и присваивать себе функции законодательной власти. Но полномочия его довольно значительны: он облечен всей полнотой верховной исполнительной власти, является верховным начальником всех сухопутных и морских сил, назначает и смещает министров, главнокомандующих армиями и флотами, представляет Россию в переговорах с иностранными державами и назначает посланников. Монарх имеет право созывать обе палаты и изменять время заседаний палат, но не более чем на два месяца.

Вся деятельность императора контролируется представительным органом. Даже поездки в другие страны он может совершать с согласия и под контролем Народного веча. Особы, составляющие семью государя, не пользуются никакими дополнительными правами и привилегиями, они к тому же не могут избираться и назначаться на государственные должности. Царское звание сохраняется по традиции, но женщины престол не наследуют. На содержание императора и его двора выдается определенная сумма – доход.

Государственное устройство – федеративное: вся Россия разделена на области, называемые державами, и для каждой из них учреждается областное управление. В основу деления России на державы положены исторические, экономические и географические характеристики.

Областное (Державное) управление состоит из двух палат: Областная (Державная) дума и Палата выборных.

Компетенция палат определена Конституцией России. Областная держава не является самостоятельной единицей, она не имеет собственной конституции, не ведет внешних сношений, не чеканит монету и т.п., но обладает достаточно широкими полномочиями по разрешению местных хозяйственных, административных и финансовых дел.

Конституция Муравьева предусматривает также организацию местного управления на выборной основе. Этим управлениям «вручается хозяйственная и административная власть».

Судебная (Судная) власть отделена от административной и осуществляется централизованной и довольно сложной системой судебных органов. В уездах действуют совестные суды. Судьей в таком суде мог стать любой постоянный житель уезда, пользующийся доверием избирателей и имеющий ценз в две тысячи рублей серебром. Должность совестного судьи несменяема, и он может ее исполнять до 70-летнего возраста, совмещая с другими обязанностями. Никто в уезде не может быть взят под стражу без предписания совестного судьи. Рассматривают эти судьи гражданские тяжбы и мелкие уголовные дела и имеют право приговаривать к незначительным срокам заключения и штрафам в размере трехдневного заработка. Суд происходит гласно и при открытых дверях. Апелляция на решения совестных судов приносится на съезды совестных судей, которые

состоят не менее чем из пяти совестных судей (судья, решение которого обжалуется, не может входить в состав судей съезда).

Следующим звеном судебной системы являются областные суды, состав которых избирается областными палатами из числа лиц, обладающих годовым доходом не менее трех тысяч рублей серебром. Они также несменяемы и остаются в своей должности до 70-летнего возраста. В этом суде имеется коллегия присяжных заседателей. Следствие не отделено от суда, но в судебном заседании участвуют стряпчие или адвокаты, образующие в каждом уездном городе свое сословие. Кроме адвоката, в процессе принимает участие Блюститель по делам Правительства, который «обвиняет от лица Правительства или от частных лиц, но безвозмездно».

Высший судебный орган представлен Верховным судилищем. Народное вече избирает 5 или 7 судей пожизненно, т.е. до 70-летнего возраста, «если они окажутся непорочными». Имущественный ценз для этих судей составляет 15 тысяч рублей серебром, а ежегодное вознаграждение – 10 тысяч рублей. Заседает Верховное судилище под руководством председателя, которого ежегодно члены суда избирают из своей среды. Верховное судилище разрешает дела по своей компетенции, а кроме того, один раз в четыре года представляет императору и обеим палатам свое заключение относительно всех законов и постановлений, вышедших в течение этих четырех лет с комментариями, оценками и выявлением «темных мест» и иных противоречий относительно Конституции, а также всего действующего законодательства. Жалобы на действия верховных судей подаются в Верховное судилище, а также в Палату Представителей.

Для внесения изменения в уставные законы или в Конституцию предусматривается особый порядок. В столице избирается Народный собор, равный по числу своих членов всему составу Народного веча. Этот Собор не обладает никакими другими полномочиями и создан исключительно для подготовки требуемого законопроекта, по представлении которого Собор распускается, а документ немедленно публикуется и распространяется. Затем каждая область избирает свой Собор, количество депутатов которого в два раза превышает их число в Народном соборе. Все заседания областных соборов происходят одновременно и в один день. Они не имеют право вносить новые предложения, а обязаны лишь принять или отвергнуть Проект Народного собора. Одобрение действительно при наличии 2/3 голосов в каждом Областном соборе.

После завершения такой процедуры вводится новый закон, если же он не принимается, то сохраняется действие прежнего.

Проекты Муравьева содержали требования неуклонного соблюдения законов всеми гражданами и никаких изъятий из этого правила не допускали.

В первых двух вариантах Конституции Н.М. Муравьев высказал также ряд предложений, касающихся усовершенствования уголовного права и процесса.

На следствии Никита Муравьев выразил симпатии республиканскому правлению. Возможно предположить, что наличие монархических идей в проектах Муравьева имело и тактические соображения, диктуемые традиционно привычным для России монархическим образом правления и боязнью отпугнуть членов общества «якобинскими идеями». Его монарх приносил присягу Конституции и в решении всех важнейших вопросов был под контролем Народного веча. Еще М. Лунин отмечал противоречивость монархического проекта Муравьева, полагая, что «независимость областей в нем не согласуется с монархическим правлением».

Все предусмотренные Конституцией Муравьева гражданские и политические права устанавливаются немедленно. Пестелевский проект, предполагавший введение Верховного правления с Диктатором во главе, Муравьев осуждал. «Весь план Пестеля, – писал он, – был противен моему рассудку и образу мыслей». Муравьев называл его «варварским и противным нравственности». Особенно он критиковал организацию Временного Верховного правления, в котором он усматривал опасность установления революционной диктатуры. В плане Пестеля Муравьев находил не «учреждение правления в России на законах

непременных», как писал о том сам Пестель, а напротив – создание условий, провоцирующих произвол и беззаконие.

Вопрос 2 Политико-правовые воззрения славянофилов и западников

На рубеже 30–40-х гг. в среде дворянской интеллигенции сложились два течения общественной и политической мысли под условными наименованиями славянофилов и западников, которые в лучших традициях русских просветителей и реформаторов обсуждали вопросы исторических судеб России, ее места и роли среди других народов, особенности ее политического и правового опыта в сравнительно-историческом сопоставлении с опытом Европы и народов Востока.

Тема самобытности истории России и ее политического опыта обсуждалась не впервые. Она ставилась и истолковывалась разработчиками темы Москва – третий Рим, затем Аввакумом, патриархом Никоном, Ю. Крижаничем, а в начале века также Карамзиным, декабристами, представителями просвещенной бюрократии. В этом же плане воспринималась формула режима правления при Николае I, выдвинутая министром просвещения С.С. Уваровым в виде триады "православие, самодержавие, народность". Самодержавие объявлялось главным устоем, обеспечивающим мощь и величие России; православие считалось соответственно основой духовной жизни; народность истолковывалась как проявление многовековой традиции патриархального единения народа со своим царем. Эта официальная теория усердно насаждалась в школах, университетах, в канцеляриях, в церкви и армии.

Начальным событием в разработке идей ранних славянофилов считается обмен в 1839 г. рефератами между Александром Степановичем Хомяковым (1804–1860) и Иваном Васильевичем Киреевским (1806–1856) по вопросу об историческом опыте старой и новой России. Эти два реферата разошлись затем в списках под названиями "О старом и новом" и "В ответ А.С. Хомякову". Славянофилы выдвинули ряд новых идей и положений при оценке прошлого и современного опыта России, в частности о необходимости переоценки опыта допетровской Руси, о значении крестьянской общины, местного самоуправления, о роли государственного начала и о соотношении закона и обычая в рамках их общей концепции народознания. Они были безусловными противниками и критиками крепостного права.

"Наша древность, – утверждал Хомяков, – представляет нам пример и начала всего доброго в жизни частной, в судопроизводстве, в отношении людей между собой. Однако обычаи старины, все права и вольности городов и сословий были принесены в жертву для составления "плотного тела государства", когда люди, охраненные вещественной властью, стали жить не друг с другом, а, так сказать, друг подле друга, язва безнравственности общественной распространилась безмерно, и все худшие страсти человека развились на просторе: корыстолюбие в судьях, которых имя сделалось притчею в народе, честолюбие в боярах, которые просились в аристократию, властолюбие в духовенстве, которое стремилось поставить новый папский престол".

Петр Великий сумел единым взглядом обнять все болезни отечества и "ударил по России, как страшная, но благодетельная гроза". Удар пришелся по сословию судей-воров, по боярам, думающим о делах своего рода и забывающим родину, по монахам, ищущим душеспасения в кельях и поборов в городах, забывающим, однако, церковь, человечество и братство христианское. И тем не менее силы духовные принадлежат не правительству, а народу и церкви.

Увеличение размеров и вещественной власти государства привело к уничтожению областных прав, угнетению общинного быта (общины и области, привычные к независимости, стали угнетаться еще со времен федерации южных и северных племен под охраной дома Рюриков). С Петра начинается новая эпоха – время сближения с Западом, который до этого был "совершенно чужд" России, и это движение не было действием народной воли. С этого момента "жизнь власти государственной и жизнь духа народного

разделились даже местом их сосредоточения". Одна в Петербурге двигала всеми видимыми силами России, всеми ее формальными изменениями, другая (жизнь церковная) "незаметно воспитывает характер будущего времени, мысли и чувства, которым суждено облечься в полную, проявленную деятельность". Личность государства получает отныне вполне определенную деятельность, свободную от "всякого внутреннего волнения", в то время как "бесстрастное и спокойное начало души народной, сохраняя свои вечные права, развивается более и более в удалении от всякого временного интереса и от пагубного влияния сухой практической внешности".

Крепостное состояние, по мнению Хомякова, введено Петром. Фактическое рабство крестьян существовало до этого в обычае и не было признано в законе. Только в правление Петра "закон согласился принять на себя ответственность за мерзость рабства, введенного уже обычаем". Таким образом, закон "освятил и укоренил давно вкрадывавшееся злоупотребление аристократии".

Несомненной заслугой Хомякова явилось новое историческое истолкование традиционной темы о взаимоотношении государства и церкви и дополнение ее историческим обзором статуса крестьянской общины. Так расчищалась почва для обсуждения более фундаментальной для политического быта темы о соотношении общества и государства в русской и зарубежной истории. Характерным для Хомякова оказался также интерес к меняющейся роли обычая и закона.

В ответном обращении к Хомякову Киреевский отметил неправильность постановки вопроса: была ли прежняя Россия хуже или лучше теперешней, где "порядок вещей подчинен преобладанию элемента западного". Если рассматривать основные начала жизни в России и на Западе, то сразу же обнаружится "одно очевидное общее" – христианство. И все же различия между ними также очевидны – в особенных видах христианства, в особенном направлении просвещения, в особенностях частного и народного быта. Для подхода Киреевского стало характерным сравнение не только результатов развития отдельных элементов, но и восхождение историческое к началу складывания элементов, в частности просвещения и образованности.

В основание европейской образованности легли три элемента – римское христианство, мир необразованных варваров, разрушивших Римскую империю, а также классический мир древнего язычества. Последний представлял, по сути дела, "торжество формального разума над всем, что внутри и вне его находится". Римская церковь в своем обособлении от восточной отличилась именно подобным "торжеством рационализма над преданием, внешней разумности над внутренним духовным разумом". С помощью внешнего силлогизма папа стал главою церкви вместо Христа, потом мирским властителем, наконец возведен в сан непогрешимого.

Частный и общественный быт Запада основывается на понятии индивидуальной, отдельной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность. Отсюда святость внешних формальных отношений, святость собственности и святость условных постановлений. Общественное устройство России имело многие отличия от Запада – составление общества из маленьких так называемых миров (общин), принадлежность человека миру (и мира ему), принадлежность поземельной собственности (источника личных прав на Западе) не лицу, а обществу. "Лицо участвовало во столько в праве владения, во сколько входило в состав общества". Общество не было самовластным и не могло само изобретать для себя законы, поскольку в окружении подобных себе других обществ управлялось однообразным обычаем.

В отличие от Запада сила неизменяемого обычая делала всякое самовластное законодательство невозможным, и даже разбор и княжеский суд (до подчинения удельных княжеств Московскому) не мог совершаться без согласованности с всеобъемлющими обычаями. Заслугу в выработке общинных обычаев, которые заменяли законы, Киреевский всецело относил к церквам и монастырям. Последние он именуется также "святыми зародышами несбывшихся университетов". Именно из церквей, монастырей и жилищ

уединенных отшельников распространялись повсюду одинаковые понятия об отношениях общественных и частных. Позднее Хомяков дополнил перечень ценных свойств общины как перспективного (в отличие от государственных) учреждения такими характеристиками (в письме к А.М. Кошелеву, 1849 г.): "сохранение исконного обычая, право всех на собственность поземельную и право каждого на владение, нравственная связь между людьми и нравственное воспитание людей в смысле общественном посредством постоянного упражнения в суде и администрации мирской. При полной гласности и правах совести".

Общий вывод Киреевского, как и Хомякова, сводился к тому, что в истории России действительно присутствует "взаимная борьба двух начал" и связана она с желанием "возвращения русского или введения западного быта", однако эта борьба все же поневоле предполагает "что-то третье". "Сколько бы мы ни были врагами западного просвещения, западных обычаев и т. п., но можно ли без сумасшествия думать, что когда-нибудь, какою-нибудь силою истребится в России память всего того, что она получила от Европы в продолжение двухсот лет? Можем ли мы не знать того, что знаем, забыть все, что умеем?"

Двумя насущными и перспективными задачами в области внутренней политической жизни славянофилы считали отмену крепостного рабства и проведения нового разделения труда между государственной властью (самодержавием) и общественностью (народом). Юрий Федорович Самарин, видный участник подготовки крестьянской реформы, в распространяемой рукописи 1856 г. под названием "О крепостном состоянии и переходе из него к гражданской свободе" сформулировал суть первой задачи так: "Во главе современных, домашних вопросов, которыми мы должны заняться, стоит, как угроза для будущего и как препятствие в настоящем для всякого существенного улучшения в чем бы то ни было, вопрос о крепостном состоянии. С какого бы конца ни началось наше внутреннее обновление, мы встретимся с ним непременно". Положение крепостных крестьян было рассмотрено с нравственной, политической и хозяйственной точек зрения, и аргументация в пользу освобождения включила в себя характерные для славянофилов аргументы естественно-правового характера – права личности крестьянина (как хозяина и семьянина) как права естественные, согласованные с потребностями в свободном развитии человеческой природы и соответствующие порядку и законам, предустановленным Творцом.

Основной тезис другой программной задачи был сформулирован Константином Сергеевичем Аксаковым в записке "О внутреннем состоянии России", представленной императору Александру II в 1855 г. Современное состояние России характеризуется, по словам записки, внутренним разладом, прикрываемым бессовестной ложью. Правительство и "верхние классы" чужды народу, их взаимные отношения не дружественные, они не доверяют друг другу: правительство постоянно опасается революции, народ склонен в каждом действии правительства видеть новое угнетение. Общий вывод автора гласил: "Царю – сила власти, народу – сила мнения". Народ русский не желает править, он ищет свободы не политической, а нравственной, общественной. Истинная же свобода народа возможна только при неограниченной монархии. Однако взаимоотношения правительства и народа ("государства и земли") должны включать в себя такие начала: взаимное невмешательство; обязанность государства защищать народ и обеспечивать его благосостояние; обязанность народа исполнять государственные требования, снабжение государства деньгами и людьми, если они нужны для осуществления государственных намерений; общественное мнение как живая нравственная и несколько не политическая связь, которая может и должна быть между народом и правительством.

Видными представителями западников из числа правоведов были К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин, которые со временем эволюционировали в сторону либерализма и стали идейными предтечами конституционных демократов начала XX столетия. В 40-х гг. в спорах славянофилов и их оппонентов на стороне западников были В.Г. Белинский, А.И. Герцен; Н.П. Огарев, Т.Н. Грановский, П.В. Анненков.

Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885) – один из основателей (совместно с С.М. Соловьевым и Б.Н. Чичериным) так называемой государственнической школы в

истолковании истории России. Согласно его представлениям, основу и движущую силу исторического процесса образует борьба личности за свободу и "постепенное изменение" общественных форм – от родовых отношений к семейным, которые, в свою очередь, уступили высшей форме общественных отношений – государству. Россия шла тем же историческим путем, что и Западная Европа, но отстала от нее и потому должна прибегать к заимствованиям достижений цивилизации. В этом смысле реформы Петра I двинули Россию по пути европейского развития в сторону свободы и управления с помощью "современных актов и законов". Оправдание эпохи петровских реформ – в ее целях, поскольку средства дала, навязала ей сама старая Русь. В отличие от славянофилов Кавелин считал, что наряду с общинным индивидуальное начало все-таки присутствовало и до Петра и привело к постепенному созданию у нас общественности и юридической гражданственности, хотя и в неразвитой форме "умственной, нравственной и гражданской культуры".

С более радикальных философско-исторических позиций критиковал славянофилов Тимофей Николаевич Грановский (1813–1855), для которого историческое развитие всегда сопровождается борьбой разнородных сил и каждую эпоху отделяет от другой "резкое различие", в том числе войны и революции (например, завоевания древних германцев, Французская революция XVIII в.). Историческое развитие бесконечно, поскольку вечно новы противоположности и никогда они не возвращаются к прежним пунктам, "из борьбы их исходят вечно новые результаты".

Об интересе знаменитого профессора всеобщей истории в Московском университете к отечественной истории свидетельствует его публичная полемика с литературными распространителями доктрины "официальной народности" (Погодиным, Шевыревым) и славянофилами, а также его критика некоторых упрощенных западных воззрений на прошлое России. Так, в речи Грановского перед студентами 1845 г. в связи с началом курса по истории средневековья содержится прямое указание на основных идейных оппонентов: "И вам, и мне предстоит благородное и, надеюсь, долгое служение России – России, идущей вперед и с равным презрением внимающей клеветам иноземцев, которые видят в нас только легкомысленных подражателей западным формам, без всякого собственного содержания, и старческим жалобам людей, без всякого собственного содержания, которые любят не живую Русь, а ветхий призрак".

Герцен писал впоследствии об известной условности деления на славянофилов и западников по той простой причине, что все они были патриотами своего народа и отечества. Их объединяло, по крайней мере в начальный период, решительное осуждение крепостного рабства и административно-судебного произвола, а также боязнь того, что если перемены не придут сверху, то переворот явится снизу. В этом отношении они близки в отдельных пунктах своих политических программ и декабристам и народникам. Так, существовавшая в 1845–1847 гг. в Киеве тайная религиозно-политическая организация (Кирилло-Мефодиевское общество) унаследовала от декабристов идею республиканизма и сближалась со славянофилами в провозглашении христианского учения исходным началом и основанием для "правления, законодательства, права собственности и просвещения".

После реформ 60-х гг. острота разногласий между славянофилами и западниками утратила свое былое значение. Славянофильство эволюционировало в сторону почвенничества и сблизилось во многом с консервативными противниками реформ, однако значительная часть их ожиданий и надежд в отношении русской общины была воспринята идеологами "русского социализма" (Герцен, Чернышевский и др.). Для славянофильства 70–80-х гг. характерны известная инертность и идейный догматизм. В этот период они становятся критической мишенью для русских марксистов и наиболее дальновидных консерваторов. Константин Леонтьев, один из наиболее талантливых выразителей трагизма социальной и политической ситуации в пореформенной России, склонный в какой-то момент даже к "монархическому социализму", заметил однажды в отчаянии: "Аксаков во время пожара читает благородную лекцию о будущей пользе взаимного страхования любви". В XX в. вопрос о самобытности русской истории вновь актуализировался в связи с социалистическим экспериментом и

таким образом вопрос Хомякова и Киреевского о том, "что такое Россия, в чем ее сущность, призвание и место в мире" (Н.А. Бердяев), получил новые истолкования и новые оценки.

Вопрос 3 Политико-правовые воззрения в русской религиозной философии. Учение В.С. Соловьева о государстве и праве

Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) оставил заметный след в обсуждении многих актуальных проблем своего времени – право и нравственность, христианское государство, права человека, а также отношение к социализму, славянофильству, старообрядчеству, революции, судьбе России. В магистерской диссертации «Кризис в западной философии. Против позитивизма» (1881) он во многом опирался на критические обобщения И.В. Киреевского, на его синтез философских и религиозных идей, на идею цельности жизни, хотя и не разделял его мессианских мотивов и противопоставления русского православия всей западной мысли. Его собственная критика западноевропейского рационализма основывалась также на аргументации некоторых европейских мыслителей.

Впоследствии философ смягчил общую оценку позитивизма, ставшего в России одно время не просто модой, но вдобавок объектом идолопоклонства. В итоге «за целого Конта выдавалась только половина его учения, а другая – и по мнению учителя более значительная, окончательная – замалчивалась». Учение Конта содержало, по заключению Соловьева, «зерно великой истины» (идея человечества) правда, истины «ложно обусловленной и односторонне выраженной» (Идея человечества у Августа Конта. 1898).

Вл. Соловьев со временем стал едва ли не самым авторитетным представителем отечественной философии, в том числе философии права, много сделавшим для обоснования мысли о том, что право, правовые убеждения безусловно необходимы для нравственного прогресса. При этом он резко отмежевался от -славянофильского идеализма, основанного на «безобразной смеси фантастических совершенств с дурной реальностью» и от моралистического радикализма Л. Толстого, ущербного прежде всего тотальным отрицанием права.

К числу положительных общественных форм жизни Западной Европы он относил правовое государство, правда, для него самого оно не было окончательным вариантом воплощения солидарности человеческой, а только ступенью к высшей форме общения. В этом вопросе он явно отошел от славянофилов, взгляды которых поначалу разделял.

По-другому сложилось его отношение к идеалу теократии, в обсуждении которого он отдал дань увлечения идеей вселенской теократии под началом Рима и с участием самодержавной России. В обсуждении проблем организации теократии («богочеловеческого теократического общества») Соловьев выделяет три элемента ее социальной структуры: священники (часть божья), князья и начальники (часть активно-человеческая) и народ земли (часть пассивно-человеческая). Такое расчленение, по мнению философа, естественно вытекает из необходимости исторического процесса и составляет органическую форму теократического общества, причем эта форма «не нарушает внутреннего существенного равенства всех с безусловной точки зрения» (т. е. равенства всех в своем человеческом достоинстве). Необходимость личных руководителей народа обуславливается «пассивным характером народной массы» (История и будущее теократии. Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни. 1885–1887). Позднее философ пережил крушение своих надежд, связанных с идеей теократии.

Более плодотворными и перспективными оказались его обсуждения темы социального христианства и христианской политики. Здесь он фактически продолжил разработку либеральной доктрины западников. Соловьев полагал, что истинное христианство должно быть общественным, что вместе с индивидуальным душеспасением оно требует социальной активности, социальных реформ. Эта характеристика составила главную исходную идею его моральной доктрины и нравственной философии (Оправдание добра. 1897).

Политическая организация в представлении Соловьева есть по преимуществу благо природно-человеческое, столь же необходимое для нашей жизни, как и наш физический

организм. Христианство дает нам высшее благо, духовное благо и при этом не отнимает у нас низших природных благ – «и не выдергивает из под наших ног той лестницы, по которой мы идем» (Оправдание добра).

Здесь особое значение призвано иметь христианское государство и христианская политика. «Христианское государство, если оно не остается пустым именем, должно иметь определенное отличие от государства языческого, хотя бы они, как государства, имеют одинаковую основу и общую основу». Существует, подчеркивает философ, нравственная необходимость государства. Сверх общей и сверх традиционной охранительной задачи, которую обеспечивает всякое государство (охранять основы общения, без которых человечество не могло бы существовать), христианское государство имеет еще прогрессивную задачу – улучшить условия этого существования, содействующие «свободному развитию всех человеческих сил, которые должны стать носительницами грядущего Царства Божия».

Правило истинного прогресса состоит в том, чтобы государство как можно менее стесняло внутренний мир человека, предоставляя его свободному духовному действию церкви, и вместе с тем как можно вернее и шире обеспечивало внешние условия «для достойного существования и совершенствования людей».

Другой важный аспект политической организации и жизни составляет характер взаимоотношений государства и церкви. Здесь у Соловьева прослеживаются контуры концепции, которая впоследствии получит название концепции социального государства. Именно государство должно, по мнению философа, стать главным гарантом в обеспечении права каждого человека на достойное существование. Нормальная связь церкви и государства находит свое выражение в «постоянном согласии их высших представителей – первосвященника и царя». Рядом с этими носителями безусловного авторитета и безусловной власти должен быть в обществе и носитель безусловной свободы – человек. Эта свобода не может принадлежать толпе, она не может быть «атрибутом демократии» – настоящую свободу человек должен «заслужить внутренним подвигом».

Право свободы основано на самом существе человека и должно быть обеспечено извне государством. Правда, степень осуществления этого права есть нечто такое, что всецело зависит от внутренних условий, от степени достигнутого нравственного сознания. Французская революция имела бесспорный ценный опыт в этой области, что было связано с «объявлением человеческих прав». Это объявление было исторически новым по отношению не только к древнему миру и Средним векам, но также и позднейшей Европе. Но в этой революции было два лика – «провозглашение человеческих прав сначала, а затем неслыханное систематическое попираание всех таких прав революционными властями». Из двух начал – «человек» и «гражданин», бессвязно, по мнению Соловьева, сопоставленных рядом, вместо того чтобы второго подчинить первому, низший принцип («гражданин») как более конкретный и наглядный оказался на деле более сильным и вскоре «заслонил собою высший, а затем и поглотил по необходимости». Нельзя было в формуле человеческих прав добавлять после «права человека» фразу «и гражданина», поскольку тем самым смешивалось разнородное и ставилось на одну доску «условное с безусловным». Нельзя в здравом уме сказать даже преступнику или душевнобольному «Ты не человек!», но гораздо легче произнести «Еще вчера ты был гражданином» (Идея человечества у Августа Конта). Для правопонимания Соловьева помимо общего уважительного отношения к идее права (праву как ценности) характерно еще стремление выделить и оттенить нравственную ценность права, правовых институтов и принципов. Такая позиция отражена у него и в самом определении права, согласно которому право является прежде всего «низшим пределом или некоторым минимумом нравственности, равно для всех обязательным» ("Право и нравственность. Очерки по прикладной этике. 1899).

«Понятие права по самой своей природе включает в себе элемент объективный или требование реализации». Необходимо, чтобы право всегда имело силу осуществиться, т. е. чтобы свобода других «независимо от моего субъективного ее признания или от моей

личной справедливости всегда могла на деле ограничивать мою свободу в равных пределах со всеми». Право в его историческом измерении предстает «исторически-подвижным определением необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов – личной свободы и общего блага». То же самое в другой формулировке раскрывается как равновесие между формально-нравственным интересом личной свободы и материально-нравственным интересом общего блага.

Правопонимание Соловьева оказало заметное влияние на правовые взгляды Новгородцева, Трубецкого, Булгакова, Бердяева, а также на общий ход дискуссий по вопросам взаимоотношений церкви и государства периода «русского религиозного ренессанса» (первое десятилетие XX в.).

Вопрос 4 Формирование основных юридических школ и направлений в России в XIX в. Естественно-правовая, социологическая, позитивистско-нормативистская и психологическая школы права

После отмены крепостного права (1861 г.) правительство России провело ряд реформ (судебная, земская, городская, военная и др.), которые подготовили почву для перехода ее к промышленному строю. Однако реформы носили половинчатый характер, не гарантировали права и свободы широким слоям населения.

В этот период в России продолжалась деятельность социалистов-народников, призывавших крестьян к социальной революции. Развивалась либеральная мысль. Большинство либерально настроенных мыслителей теоретически обосновывали создание в России конституционной монархии, необходимость широких правовых реформ, формирование правового государства, юридического закрепления прав личности.

Программными требованиями либеральных учений были оправдание процессов развития гражданского общества, сохранение таких его основ, как частная собственность, товарно-денежные отношения, формальное равенство субъектов права. Это обуславливало противостояние либеральной политико-правовой мысли различным направлениям социалистической идеологии, выступавшим против развития капитализма.

Несмотря на то, что Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития, политико-правовая идеология российского либерализма в теоретическом отношении стояла на уровне западноевропейской философской мысли, а в некоторых аспектах превосходила ее. В конце XIX – начале XX в. в российском правоведении и государствоведении сложилось много школ и направлений. Все теоретики права и государства относили юриспруденцию к социальным наукам, однако объект и методологию науки о праве понимали по-разному. На этом основывался плюрализм правовых школ.

Видным деятелем либерального движения в России был профессор Московского университета Борис Николаевич Чичерин (1828–1904). Его перу принадлежат труды по государственному праву, истории политических учений, теории государства и истории русского права. Чичериным были подготовлены фундаментальное пятитомное исследование "История политических учений" (1869–1902 гг.), сочинения "Собственность и государство" в двух томах (1881–1883 гг.), "Курс государственной науки" в трех частях (1894–1898 гг.), "Философия права" (1900 г.).

Чичерин воспринял философию Гегеля, однако гегелевскую триаду (тезис, антитезис, синтез) заменил логической схемой из четырех элементов, в результате которой образуется круговорот четырех начал (единство – отношение – сочетание – множество).

Большое место в трудах Чичерина уделялось свободе личности. В понятии свободы Чичерин различал две стороны – отрицательную (независимость от чужой воли) и положительную (возможность действий по своему побуждению, а не по внешнему велению). Личность, утверждал Чичерин вслед за Кантом, сама по себе есть цель и не может быть употреблена как средство для посторонних ей целей. Из требования внутренней свободы, по учению Чичерина, вытекает требование свободы внешней: действия людей необходимо

разграничить таким образом, чтобы свобода одного не мешала бы свободе остальных, чтобы каждый мог свободно развиваться и чтобы были установлены твердые правила для разрешения споров, неизбежных при совместном существовании.

Право, по Чичерину, составляет неотъемлемую принадлежность всех обществ. По существу, право есть взаимное ограничение свободы под общим законом, утверждал Чичерин. Субъективное право – это законная свобода человека что-либо делать или требовать; объективное право – закон (совокупность норм), определяющий свободу и устанавливающий права и обязанности участников правоотношений. Оба эти значения, писал Чичерин, неразрывно связаны, поскольку свобода выражена в форме закона, закон же имеет целью признание и определение свободы – "источник права не в законе, а в свободе".

Чичерин не разделял концепцию теоретиков, утверждавших, что "право – минимум нравственности" (Еллинек, Соловьев). Право, по его учению, имеет самостоятельную природу и значение, в нем нельзя видеть низшую ступень нравственности, поскольку такое воззрение отводит праву подчиненное положение, делает его слугой нравственности, что приводит в конце концов к уничтожению свободы, к насильственному осуществлению нравственных начал. Необходимо, отмечал он, четко отграничивать сферу права как область внешних воль от сферы нравственности как области внутренней, исследующей мотивы поведения. Эти области восполняют друг друга: область принуждения начинается там, где действует право, регулирующее внешнюю свободу, тогда как нравственность определяет духовные потребности людей.

Высшая связь между областями внутренней и внешней свободы, писал Чичерин, выражается в органических союзах, членом которых является человек. Во имя нравственного закона человек подчиняется общественному началу как высшему выражению духовной связи людей, и в этом отношении человек имеет обязанности. Вместе с тем как свободное лицо он пользуется правами.

Чичерин писал, что свобода проявляется как свобода общественная, определяющая отношение членов к тому целому, к которому они принадлежат, их законное подчинение и долю участия в общих решениях. Но эта новая сфера свободы не уничтожает предыдущих: она только восполняет их, возводя к высшему единству. Однако, рассуждал ученый, каким образом объяснить столь часто встречающееся в истории и жизни отрицание свободы? Это противоречие разрешается законом развития.

Сущность развития, считал Чичерин вслед за Гегелем, состоит в постепенном осуществлении внутренней свободы. С этих позиций Чичерин критически оценивал те доктрины государства и права, которые "совершенно поглощают личность в обществе" или низводят человека до степени простого средства для общественных целей.

Необходимым проявлением свободы Чичерин признавал собственность. В ряде трудов, особенно в сочинении "Собственность и государство", он оспаривал теорию социалистов о передаче всего производства и распределения в руки государства, "самого плохого хозяина, какого только можно придумать". Чичерин выступал и против тех теорий, которые видят в собственности "лишь историческую категорию, вместо того, чтобы рассматривать ее как необходимое проявление свободы, вытекающее из природы человека". Чичерин возражал и против рассуждений социалиста-анархиста Прудона о том, что возможность злоупотреблять собственностью представляет собой "нечто чудовищное". В этих рассуждениях Прудона Чичерин усматривал смешение нравственных начал с юридическими, поскольку любое субъективное право может использоваться по-разному, независимо от моральных оценок. Право собственности, по Чичерину, есть коренное юридическое начало, вытекающее из свободы человека и устанавливающее полновластие лица над вещью. Вторжение государства в область собственности и стеснение права хозяина распоряжаться своим имуществом, утверждал Чичерин, всегда является злом.

Из свободы как источника права проистекает и понятие договора как соглашения воль контрагентов, писал Чичерин. Он замечал, что, подобно тому, "как собственность есть явление свободы в отношении к физическому миру, так договор есть явление свободы в

отношении к другим людям". Анализируя институты частного права, ученый отстаивал неприкосновенность наследственного права, непоколебимость прав, приобретенных субъектами права. На государстве лежит обязанность охраны законных прав и интересов граждан. Если государство, при изменившихся условиях, отменяет какие-либо права в области частного права, то оно обязано предоставить человеку справедливое вознаграждение, "иначе закон превращается в ловушку, подставленную гражданам законодателем", – писал Чичерин.

Ученый выступал против уравнивания имущественного положения граждан. Если формальное равенство (равенство перед законом) составляет требование свободы, то материальное равенство (равенство состояний) свободе противоречит. Поскольку материальные и умственные силы, способности людей не равны, то и результаты их деятельности не могут быть одинаковы. Свобода, утверждал Чичерин, необходимо ведет к неравенству состояний. Уничтожить неравенство, замечал он, можно, только подавив свободу и превратив человека в орудие государственной власти, которая, налагая на всех общую мерку, может, конечно, установить общее равенство, но равенство не свободы, а рабства.

Задача права, по учению Чичерина, – не уничтожить разнообразие, но сдерживать его в должных пределах, "мешая естественному неравенству перейти в неравенство юридическое, мешая свободе одного посягать на свободу других".

Вслед за Аристотелем Чичерин проводил деление правды (справедливости) на уравнивающую с формальным равенством (признание за всеми людьми равного достоинства, равенства прав как юридической возможности действовать) и распределяющую с пропорциональным равенством (права и почести распределяются в соответствии со способностями и заслугами лиц). Первая область (уравнивающая правда) – это сфера частного права и гражданского общества. Вторая область (распределяющая правда) – это сфера публичного права и государства.

В центре концепции Чичерина – личность со своими правами и свободами. Он провозгласил принцип: "Не лица для учреждений, а учреждения для лиц". Только в обществе, замечал ученый, человек может реализовать все свои способности, входя по своему усмотрению в тот или иной общественный союз. Вслед за Гегелем Чичерин отмечал, что первой ступенью человеческого общежития, логическим переходом от личного права к общественному является семья. Вторую – составляют церковь и гражданское общество.

Гражданское общество как совокупность частных целей ни по объему, ни по содержанию не совпадает с государством. Государство управляет совокупными интересами народа, но вся область личной деятельности человека лежит вне государства; государство может оказывать большее или меньшее, но, во всяком случае, подчеркивал Чичерин, только косвенное влияние. Общество, утверждал он, несмотря на отсутствие организованного единства, несравненно устойчивее государства: частный быт, охватывая человека всецело, определяет его привычки, нравы, образ действий. Поколебать все это гораздо труднее, нежели изменить политический порядок, который, являясь вершиной общественного здания, может быть перестроен без потрясения оснований. Исследование общества и его влияния на государство – это предмет социологии. Изучение воздействия государства на общество составляет предмет политики.

В государстве идея человеческого общежития, утверждал Чичерин вслед за Гегелем, достигает высшего развития. Государство, по его учению, "есть союз свободного народа, связанного законом в одно юридическое целое и управляемое верховною властью для общего блага". Основными элементами государства, по Чичерину, являются: 1) власть, 2) закон, 3) свобода, 4) общая цель. Он писал, что идея государства и его цель – гармоническое сочетание всех общественных элементов и руководство общими интересами для достижения общего блага.

Чичерин оспаривал и идеи тотального государственного регулирования частной деятельности, и либеральные идеи невмешательства государства в дела общества, осуществления государством только охранительных функций. Государство, по его мнению,

должно взять в свое ведение те учреждения, которые имеют всеобщий характер. Главная гарантия того, что оно не станет вторгаться в область частных интересов, должна заключаться, считал Чичерин, в организации государственной власти, включая представительные учреждения. Граждане, обладая политической свободой, должны сами стать участниками государственной власти. Без политической свободы, утверждал Чичерин, личная свобода лишена гарантии: "Пока власть независима от граждан, права их не обеспечены от произвола..."

Через призму прав и свобод личности Чичерин анализировал различные образы правления. Каждый народ, по его мнению, в своей истории не ограничен раз навсегда установленной какой-либо одной формой политической власти. С изменением жизненных условий видоизменяются и формы государства. Чичерин исследовал абсолютизм, аристократию, демократию, конституционную монархию, условия их возникновения, развития и падения.

Высшей стадией развития идеи государства Чичерин считал конституционную монархию, в которой, как он утверждал, различные начала общежития приводятся к идеальному единству: "Монарх представляет начало власти, народ и его представители – начало свободы, аристократическое собрание – постоянство закона, и все эти элементы, входя в общую организацию, должны действовать согласно для достижения общей цели".

Теория конституционализма Чичерина расходилась с порядками самодержавной России, о которых он не раз отзывался критически: "Для того, чтобы Россия могла идти вперед, необходимо, чтобы произвольная власть заменилась властью, ограниченной законом и обставленной независимыми учреждениями".

Отрицательное отношение Чичерина к самодержавию определялось и тем, что в его реакционной политике он видел нечто, чреватое революцией: "Там, где господствует упорная притеснительная система, не дающая места движению и развитию, там революция является как неизбежное следствие такой политики. Это вечный закон всемирной истории". Вот почему, рассуждал Чичерин, необходимы своеобразные преобразования, исходящие от самой верховной власти. В период подготовки крестьянской реформы он порицал Герцена за "безумные воззвания к дикой силе", из-за которых "вместо уважения к праву и к закону водворится привычка хвататься за топор". Чичерин был противником революции, но сторонником реформ. Он призывал правительство "не потакать проискам Чернышевского, Добролюбова", считая при этом наилучшим вариантом политико-правового развития России самоограничение абсолютной власти. Это самоограничение означало переход от самодержавия к конституционной монархии, который, как он надеялся, будет осуществлен посредством глубоких реформ, проводимых по инициативе и с согласия царя.

Чичерин утверждал, что земледельческий характер России и ее отсталость обуславливают необходимость сильной монархической власти: "В отличие от Запада, где общественное устройство сложилось само собой, в России монархия сделалась исходною точкою и вожатаем всего исторического развития народной жизни".

Чичерин был современником реформ и контрреформ в периоды царствования Александра II и Александра III. Перспективы развития государственного и правового строя России по-разному ставились и обсуждались в газетах того времени, в различных обществах и кружках. Чичерина тревожило то, что "либерализм", по-разному толкуемый и понимаемый, стал модой, а рассуждения ряда новомодных "либералов" расходились с его представлениями о свободе. Этим была обусловлена оценка Чичериным современных ему видов либерализма.

Чичерин различал три вида либерализма: уличный, оппозиционный, охранительный.

"Уличный либерал, – писал он, – не хочет знать ничего, кроме собственного своеволия... Он жадно сторожит каждое буйство, он хлопает всякому беззаконию, ибо само слово закон ему ненавистно... Он готов стереть с лица земли всякого, кто не разделяет его необузданных порывов. ...Отличительная черта уличного либерала та, что он всех своих противников считает подлецами. ...Тут стараются не доказать, а отделать, уязвить или оплевать".

Второй вид либерализма, по Чичерину, – оппозиционный, в котором нет требования позитивных действий, а присутствует только "наслаждение самим блеском оппозиционного положения". "Оппозиционный либерализм понимает свободу с чисто отрицательной стороны. Отменить, разрушить, уничтожить – вот вся его система", – писал Чичерин. Верх благополучия оппозиционного либерализма, по его мнению, – "освобождение от всяких законов, от всяких стеснений. Этот идеал, неосуществимый в настоящем, он переносит в будущее, или же в давно прошедшее". С помощью нескольких категорий-ярлыков этот вид либерализма, замечал Чичерин, судит обо всех явлениях общественной жизни. "Похвалу означают ярлыки: община, мир, народ, выборное начало, самоуправление, гласность, общественное мнение и т.п.". Кроме того, "постоянная оппозиция неизбежно делает человека узким и ограниченным. Поэтому, – писал Чичерин, – когда наконец открывается поприще для деятельности, предводители оппозиции нередко оказываются неспособными к правлению, а либеральная партия, по старой привычке, начинает противодействовать своим собственным вождям, как скоро они стали министрами".

Позитивный смысл свободе может придать, по убеждению Чичерина, только либерализм охранительный. Необходимо действовать, "понимая условия власти, не становясь к ней в систематически враждебное отношение, не предъявляя безрассудных требований, не сохраняя беспристрастную независимость". Власть и свобода нераздельны так же, как нераздельны свобода и нравственный закон. Сущность охранительного либерализма состоит, согласно концепции Чичерина, "в примирении начала свободы с началом власти и закона". В политической жизни лозунг охранительного либерализма означает: "Либеральные меры и сильная власть, – либеральные меры, предоставляющие обществу самостоятельную деятельность, обеспечивающие права граждан, – сильная власть, блюстительница государственного единства, связующая и сдерживающая общество, охраняющая порядок, строго надзирающая за исполнением закона, внушающая гражданам уверенность, что во главе государства есть твердая рука и разумная сила".

Чичерин был одним из основателей юридической (государственной) школы русской историографии второй половины XIX в. Историю России он рассматривал как смену юридических форм общества (родовой – вотчинный – государственный строй). Движущей силой российской истории, по его мнению, является монархия, которая в интересах общества в целом закрепощала все сословия, а затем, когда исторические цели были достигнуты, раскрепощала их (отмена обязательной службы дворянства, затем отмена крепостного права). Чтобы привести самодержавие к конституционному правлению, он считал необходимым создать в России двухпалатное законосовещательное собрание: верхняя палата образуется на базе Государственного совета из назначаемых правительством чиновников; нижняя – из выборных представителей, которые должны выражать интересы всего народа.

В своих работах по вопросам государства и права Чичерин настоятельно доказывал необходимость реформ политической жизни в России. В 1882–1883 гг. Чичерин исполнял обязанности Московского городского головы. Он участвовал в подготовке реформ, однако его гласный призыв к ним на официальном собрании 16 мая 1883 г. был истолкован как требование конституции, вызвал недовольство Александра III, царскую опалу и отстранение Чичерина от государственной деятельности. В августе 1883 г. Чичерин уехал из Москвы в свое родовое имение, где всецело занялся наукой.

Павел Иванович Новгородцев (1866–1924) – философ права, один из основателей концепции "возрожденного" естественного права в России, исследователь истории политических учений Нового времени. Он был профессором Московского университета, основателем и первым деканом Русского юридического факультета в Праге. Ему принадлежат работы по истории философии права, вопросам теории права и государства, среди которых наиболее известны "Введение в философию права. Кризис современного правосознания" (1909 г.), "Об общественном идеале" (1917 г.).

Философско-методологической основой его концепции являлись учения Канта и Гегеля, теоретические положения которых Новгородцев стремился соединить с политико-правовыми

идеями конца XIX – начала XX в.

Новгородцев был представителем нормативно-этической концепции права. Поиск и обоснование общественного идеала – тема всей жизни и научной деятельности Новгородцева. Он различал понятия абсолютного и относительного идеалов.

Абсолютный идеал создается каждым человеком самостоятельно и выступает в качестве требования нравственного поведения индивида, бесконечного совершенствования личности. В основе этого идеала лежит личность как абсолютная цель общественного прогресса. Эти идеи Новгородцева во многом определялись философией права Канта, согласно которой человек всегда должен рассматриваться только "как цель и никогда как средство". Требование абсолютного идеала, по учению Новгородцева, носит вневременной характер и является общим для права и морали. Однако в каждой из этих областей – в области права и в области морали – стремление к идеалу получает свое особое выражение соответственно существу той руководящей идеи, которая в них проявляется. Необходимо определить, писал Новгородцев, каков должен быть абсолютный идеал применительно к области социальных явлений.

Относительный идеал зависит не только от конкретного лица, но и от других субъектов общественной жизни (группы, класса, движения, партии т.д.) и ориентирован всегда на создание какого-либо общественного порядка, отражающего в то же время сущность отдельного человека (личная безопасность, свобода, равенство, собственность, солидарность и т.п.). В отличие от абсолютного, который имеет безусловное значение, относительный идеал носит условный характер.

Новгородцев писал, что историческая действительность представляет собой величайшее разнообразие положений, применительно к которым должны различаться и пути практической политики. Указывая на изменчивый характер относительного идеала, Новгородцев критиковал политику доктринерства, согласно которой общество должно быть реорганизовано путем всеисцеляющих, непогрешимых, единственно верных проектов и программ. "Перед бесконечным величием идеала относительные средства, меняющиеся от эпохи к эпохе, должны быть низведены до степени условных приемов, технических опытов, пробных путей. Носиться тут с непогрешимыми рецептами, с единоспасающими программами – это и есть то, что мы называем ложным абсолютизмом", – писал Новгородцев. Проблема соотношения абсолютного и относительного элементов в общественном идеале, по существу, есть проблема связи "индивидуального – коллективного" ("личностного – общественного"),

Общество как союз лиц содержит в себе множество различных интересов, которые должны быть каким-то образом согласованы между собой. Взаимодействие лиц закрепляется в "нормах совместной жизни", в учреждениях и нравах, присущих данному обществу. В совместной деятельности лиц в обществе создается особая, самостоятельная область нравственных требований. Нравственный закон понимается не только как норма личного поведения человека, но и как основа общей нравственной жизни, "связывающая всех воедино некоторой общей целью – стремлением к абсолютному идеалу".

Поскольку, согласно концепции Новгородцева, общественный идеал носит духовный характер, ученый уделяет основное внимание проблеме соотношения права и нравственности. На этом базируется нормативно-этическое понимание права, в основе которого лежит понятие естественного права как части нравственной субстанции.

Новгородцев по-своему развивал понятие естественного права с изменяющимся содержанием. Мораль столь же неизменна, рассуждал Новгородцев, сколь постоянна сущность человека: то, что нравственно для одного человека, не может (не должно) быть этически безразличным для другого. Право же (и правосознание) подвижно и изменчиво, вплоть до того, что право может противоречить само себе или идее справедливости. Проблема заключается в том, чтобы в процессе совершенствования права (1) не выходить за пределы моральных критериев и (2) направлять правотворчество в соответствии с этическим идеалом в такой степени, в какой это возможно в данном исторически определенном

обществе. То, что неосуществимо в одном обществе, может быть реализовано в другом.

Гегелевскую идею развития свободы, воплощения ее в конкретных условиях Новгородцев стремился соединить с этической теорией Канта. Результат не мог быть иным, чем идея "естественного права с изменяющимся содержанием", выражающая идею прогресса в правосознании (и в праве) при незыблемости принципов нравственности, основанных на признании ценности и достоинства личности всех времен и народов. Иными словами, если "право – минимум нравственности" (как утверждали Г. Еллинек, В. Соловьев и др.), то этот "минимум", по Новгородцеву, может быть различен для разных исторических возможностей и объективных условий.

Новгородцева тревожил вопрос взаимоотношений личности как безусловной ценности, обладающей разумом и свободной волей, и общественной среды, которая может всецело поглотить личность. Недопустимо, заявлял он, подчинять личность обществу "в качестве орудия или средства" своего существования. С этих позиций Новгородцев критически оценивал теории марксизма и революционного синдикализма. Какую-либо общественную задачу личность может выполнить только по-своему, в своем собственном понимании и своеобразном выражении. Поэтому, отмечал Новгородцев, каждый человек ощущает потребность в соединении и взаимодействии с другими индивидами: "Чем яснее мы сознаем, что личность есть незаменимая, неповторяющаяся и своеобразная индивидуальность, тем ярче выступает необходимость конкретного сочетания индивидуальных различий для достижения идеальных целей".

Новгородцев писал, что без свободы немыслима индивидуальность личности; вместе с тем в отношении ко всем людям необходимо признать равенство их возможностей на существование, развитие, проявление в обществе их особенных черт. Для осуществления притязаний – свободы и равенства – личность, утверждал Новгородцев, берет на себя обязательства "солидарности и единства с другими" в осуществлении своих идеальных стремлений, интересов, потребностей. Общественный идеал, по Новгородцеву, представляется как "принцип всеобщего объединения на началах равенства и свободы", как "принцип свободного универсализма".

Общественно-политический идеал (относительный – по терминологии Новгородцева) в конце XIX – начале XX в. выражался, согласно его учению, в требовании правового государства. Новгородцев понимал, что бурное экономическое развитие XIX в. показало необходимость материальных гарантий формально признанных прав и свобод и социальной помощи нуждающимся. Новгородцев стремился, учитывая состояние общественной жизни, выявить черты нового этапа идеи правового государства, а именно социально-правового государства.

В работе "Введение в философию права. Кризис современного правосознания" ученый глубоко исследует новое содержание требований свободы и равенства, считая, что государство должно взять на себя заботу об экономически слабых лицах, которые в силу различных причин неспособны к существованию за счет собственных материальных средств.

Новгородцев писал, что цель права – охрана свободы, однако пользование этой свободой может быть совершенно парализовано недостатком средств. Вот почему, несмотря на то, что задачей и сущностью права является охрана личной свободы, не менее важна и возможность осуществления этой задачи – забота о материальных условиях свободы. Решение данной проблемы, заключал ученый, должно взять на себя государство.

Новгородцев обосновал понятие "право на достойное человеческое существование". Обладая нравственной природой, это право, рассуждал ученый, должно иметь юридическое значение. "В этом случае на наших глазах совершается один из обычных переходов нравственного сознания в правовое, которыми отмечено прогрессивное развитие права". Новгородцев обосновывал необходимость "обеспечить для каждого возможность человеческого существования и освободить от гнета таких условий жизни, которые убивают человека физически и нравственно". Он призывал к введению понятия права на достойное человеческое существование в Декларацию прав человека и гражданина и к юридической

разработке основных институтов этого понятия в рамках позитивного права.

Выступая с обоснованием демократических социальных реформ, Новгородцев считал необходимым создание в России правового государства. В 1920 г. Новгородцев эмигрировал и в 1922 г. выступил основателем и первым деканом Русского юридического факультета, а также председателем Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева в Праге. В последний период жизни в творчестве Новгородцева усилились религиозные настроения: все движение человечества представлялось ему по пути к теократии; связь права и нравственности он полагал в более высоком единении на основе религиозного закона.

Социологическое направление в теории права и государства методологически исходило из того, что существование и развитие права и государства определяются общественными факторами. Большое внимание представители этого направления придавали изучению общественных интересов и отношений, классификации социальных групп, исследованию психологических и моральных основ государства и права.

Выдвинутая Р. Иерингом теория юридически защищенного интереса нашла немало сторонников в России. Наиболее известными из них были С. А. Муромцев и Н. М. Коркунов.

Сергей Андреевич Муромцев (1850–1910) – профессор гражданского права юридического факультета Московского университета, лидер конституционно-демократической партии, председатель I Государственной думы. Под влиянием концепции Иеринга, лекции которого он слушал в Геттингенском университете, Муромцев создал собственное учение о праве. Его труды содержат исследования по римскому праву, гражданскому праву и общей теории права. Назовем "Очерки общей теории гражданского права" (1877 г.), "Определение и основное разделение права" (1879 г.), "Что такое догма права?" (1885 г.).

В своей теории Муромцев придавал главное значение правовым отношениям. В основе права лежат интересы индивидов, общественных групп, союзов и т.д. На базе интересов в обществе возникают различные отношения, регулирование которых осуществляется, отмечал ученый, с помощью различных санкций: юридической, моральной, религиозной и др. При этом каждое отношение может быть предметом нескольких санкций одновременно. "Мы соблюдаем их не думая, просто потому, что привыкли их соблюдать, что считаем это должным, без всякой связи с какой-либо санкцией", – отмечал Муромцев.

Отношение, соблюдаемое по привычке, обладает особенной прочностью и именно в силу этого, утверждал Муромцев, не нуждается в юридической санкции. "Если отношение сопровождается юридической защитой, но существует и осуществляется без ее влияния, то ошибочно почитать такое отношение правовым. К праву не принадлежит все то, что соблюдается из приличий, из нравственности, из привычки, из обычая, из чувства долга, без внимания к факту юридической защиты. Правовое и прочное не одно и то же", – писал он.

Значение юридической защиты необходимо придавать только тем отношениям, которые еще недостаточно прочны и требуют дополнительных гарантий от государства. Однако форма правового существования тоже не является постоянной принадлежностью отношения: вначале, когда отношение несет в себе элемент случайности, необходимо его гарантировать юридической защитой, однако позднее, возможно, оно станет прочной и привычной нормой в данном обществе и не потребует государственного вмешательства. Юридической санкцией, считал Муромцев, обеспечивается только та часть общественных отношений, которая признается наиболее важной для интересов личности и государства и не может быть обеспечена иначе, как силой государственного принуждения.

По учению Муромцева правовой порядок – это существующий порядок отношений в обществе. На него воздействует ряд факторов: юридические нормы действующего законодательства государства, идеи справедливости, надежды на правовой порядок будущего времени, научные предположения и ориентиры и др. Однако, утверждал Муромцев, все они только атрибуты правопорядка – факторы, воздействующие на процесс его образования. Правом в собственном смысле всегда является только правовой порядок.

На содержание правопорядка влияют интересы и отношения социальных групп. Муромцев писал, что общество пронизано союзами разной степени общности: дружеские

кружки, товарищества, семья, община, сословие, партия, государство. От характера отношений внутри общественной группы зависит и форма их защиты, которая может выражаться порицанием со стороны общественного мнения, насильственными действиями потерпевшего против нарушителя, отказом от провинившегося сочлена (в партии, общине) и т.п. Эта защита интересов каких-либо групп населения происходит в формах, не определенных заранее, она "определяется в каждом отдельном случае, смотря по обстоятельствам". Муромцев называл такую форму защиты "неорганизованной защитой", а сами отношения, которые гарантируются от нарушений таким образом, – "правовыми".

Муромцев различал "правовое" отношение (отношение "защищаемое") и "юридическое" отношение (отношение "вынужденное, или защищающее").

К правовым он относил те общественные отношения, которые складываются по поводу типичных для данного общества интересов отдельных лиц и их объединений. Эти отношения и интересы по мере признания обществом получают "неорганизованную защиту" со стороны общества и социальных групп.

Однако при столкновении различных интересов "неорганизованной защиты" уже недостаточно и необходимо, замечал ученый, обратиться за защитой нарушенного права к государственным органам, т.е. к "организованной защите". Действие ее жестче и, как следствие, "понудительное, нежели действия формы неорганизованной". Она "вручается" судьям, должностным лицам государственных органов или общественных властей, действия их облакаются в точные формы с указанием границ компетенции, определенной процедурой принятия решений, и т.д. Организованную форму защиты Муромцев называл "юридической".

Различая "юридическое" и "правовое", Муромцев оговаривал отсутствие между ними четкой границы, особенно в периоды "развитого государственного быта" (по существу, гражданского общества), когда в обществе действует и получает государственное закрепление особый, частный и групповой, не зависимый от государства интерес. "Тот факт, – писал Муромцев, – что государство может всегда выступить против неприятного для него права, созданного в союзе, подчиненном государству, вовсе не значит еще, что государство может всегда помешать возникновению такого права. Но только в подобном случае можно было бы говорить о государстве как единственном субъекте правообразования".

Тем не менее, утверждал Муромцев, сила государственной власти не абсолютна. В обществе существуют и другие силы, оказывающие влияние на правовой порядок (настроения в обществе, внешние условия). При установлении юридического характера отношений (возведение какого-либо отношения на степень права) деятельность власти ограничивается тем, отмечал Муромцев, что устанавливается факт притязаний у субъекта права по отношению к правонарушителям. Юридические отношения всегда возникают в форме притязаний.

Юридические нормы, которые создает государство, заявлял ученый, не всегда соответствуют существующему в данном обществе правопорядку. Встречаются случаи некоторых противоречий между предписаниями нормы и правопорядком, но бывает так, что правопорядок идет наперекор юридическим нормам. В результате "не только не будет защищаться то, что предписано в норме, но напротив, будет защищаться нечто, совершенно тому враждебное".

Большие надежды на преодоление противоречий между юридическими нормами и правовым порядком Муромцев возлагал на судебные и другие правоприменительные органы, которые, по его мнению, должны быть способны постоянно приводить действующий правопорядок в соответствие со "справедливостью". По утверждению ученого "законодательная реформа – единственное верное средство для осуществления справедливости". Однако нельзя, замечал Муромцев, полагаться только на законодательный орган, реформы которого "могут слишком задерживаться". Основное внимание Муромцев обращал на суд и другие органы, применяющие право. Во все времена, утверждает ученый, "положительное право ограничивается, изменяется и дополняется под влиянием

нравственных воззрений и чувства справедливости, руководящих лицами, применяющими право". Задача суда состоит в обеспечении полной гармонии между юридическими нормами и конкретным случаем, в ин-дивидуализировании права. Для этого судья должен "осуществить справедливость", т.е. "применить юридические нормы именно в той степени, в которой случай характеризуется типичными свойствами, служащими основанием нормы". Таким образом суд, считал Муромцев, превратится в арбитра между законом и конкретным правоотношением и сможет в соответствии со своим правосознанием проверять "жизненность" позитивного права, приводить закон в соответствие с "живым" правом.

Достоинство концепции Муромцева в том, что он защищал право как систему правоотношений, возникающих на основе конкретных интересов людей внутри гражданского общества. Право, по его глубокому убеждению, создается не только "велениями государства", "сверху", но и в процессе развития общественных отношений, т.е. "снизу". Созданное таким образом право нуждается в гарантиях государства от нарушений с помощью "организованной защиты". В этом процессе главную роль Муромцев отводил суду, организованному на современных, цивилизованных началах, основная задача которого состоит в юридической охране правовых интересов.

Учение о праве С.А. Муромцева оказало значительное влияние на социологическое направление правоведения. В России аналогичные идеи развивали М.М. Ковалевский, Ю.С. Гамбаров, Н.А. Гредескул и другие правоведы.

Видным государствоведом, теоретиком права и историком правовой мысли был профессор Николай Михайлович Коркунов (1853– 1904), преподававший в Петербургском университете, Военно-юридической академии и других учебных заведениях теорию и энциклопедию права, государственное право российское и зарубежное. Основные его произведения: "Государственное право (теория)" (1877 г.), "Лекции по общей теории права" (1904 г.), "Общественное значение права" (1892 г.), "Сравнительный очерк государственного права иностранных государств" (1890 г.), "Русское государственное право" (т. 1, 1892 г.; т. 2, 1893 г.), "Указ и закон" (1894 г.), "История философии права" (1896 г.).

Восприняв ряд идеи Иеринга, Коркунов отвергал данное Иерингом определение права как "защищенного интереса", утверждая, что право предполагает не отдельный интерес, а связь, отношение не менее чем двух лиц с встречными интересами. Кроме того, рассуждал ученый, поскольку охрана интереса неизбежно включает контроль за выбором наилучшего способа его реализации, концепция Иеринга ведет к оправданию безграничной правительственной опеки над личностью.

Право, по определению Коркунова, есть не просто защита интересов, но их разграничение. Юридические нормы разграничивают интересы различных субъектов в отличие от норм технических, указывающих средства достижения определенной цели, и правовых правил, дающих сравнительную оценку разных интересов одного и того же лица. "Подобно оценке интересов и для разграничения их человеческое сознание вырабатывает определенные нормы – нормы разграничения интересов, которые так же, как и нормы оценки, служат той же цели, совместному осуществлению всех разнообразных человеческих целей", – писал Коркунов. "Следовательно, и нормы разграничения интересов суть нормы этические. Но в отличие от нравственных норм они не дают мерила для оценки интересов, для различия добра и зла. Они указывают только, насколько мы имеем или не имеем права осуществлять наши интересы при столкновении с чужими интересами. Следовательно, нормы разграничения интересов определяют границу между правом и не правом и суть юридические нормы".

Содержание общественной жизни составляют разнообразные интересы; чтобы определить границы осуществления сталкивающихся интересов, право устанавливает права и обязанности субъектов общественных отношений и тем самым, писал Коркунов, создает "важный порядок общественных отношений".

Коркунов отмечал, что гражданское право разграничивает интересы частных лиц, уголовное право – интересы обвинителя и подсудимого, гражданский процесс – истца и

ответчика, государственное право – интересы всех участников государственного общения от монарха до подданного, международное право разграничивает интересы людей как участников международных отношений и как граждан конкретных государств.

Учение Коркунова о праве сложилось под сильным влиянием социологических концепций, трактующих право как средство достижения согласованности интересов личности и общества. Определенное воздействие на его учение оказали и модные в то время идеи социальной психологии. Коркунов рассматривал право как "взаимное психическое воздействие людей", связывал общеобязательную силу закона с авторитетом веления органов власти, вызывающих "почти инстинктивное к себе повиновение".

В еще больших масштабах психологические категории использовались Коркуновым при исследовании понятия государственной власти. Подобно Еллинеку и другим государствоведам Коркунов, решая непосильную для юридического позитивизма проблему связанности государства своим правом, стремился соединить юридическую концепцию государства (государство как "юридическое отношение") с социологическими и психологическими конструкциями.

Государство, по учению Коркунова, – не лицо, а юридическое отношение, в котором субъектами права являются все участники государственного общения, а объектом служит государственная власть как предмет пользования и распоряжения. Он возражал против формально-догматического подхода к государственной власти как к единой воле. Подобная концепция, рассуждал Коркунов, не объясняет, чья воля осуществляется в отношениях между государственными органами, каждый из которых имеет свою волю. Само понятие власти, по его мнению, не связано необходимо с понятием властвующей воли. Не всякая воля властвует, она может быть бессильна, безвластна. Вместе с тем воля всегда стремится к власти, приобретает, теряет ее, т.е. власть является объектом помыслов и действий воли. В то же время власть не предполагает обязательно волю. Властвуют иногда божества, представления о болезнях и грозящей беде.

Таким образом, власть, утверждал Коркунов, не обязательно направлена на властвование воли; это может быть и "воображаемая воля", которая, тем не менее, оказывает на человека такое же воздействие, какое имеет и действительно существующая воля. Для факта властвования нет необходимости, чтобы зависимость была реальной. "Для властвования требуется только сознание зависимости, а не реальности ее", – отмечал Коркунов. Государство может властвовать, утверждал он, не обладая ни волей, ни сознанием своей силы.

Важно только, чтобы люди сознавали свою зависимость от государства. От степени осознания ими этой связанности государством зависят мера и граница власти государства. Таким образом, государственная власть основывается, по Коркунову, не на чьей-либо воле, а на коллективном сознании людей, на их психологическом единении. "Власть есть сила, обусловленная не волей властвующего, а сознанием зависимости подвластного", – отмечал ученый. Таким состоянием постоянного властвования, опирающегося на добровольное подчинение, является, по Коркунову, государство: "Государство есть общественный союз, представляющий собой самостоятельное и признанное властвование над свободными людьми".

Обращаясь к идее разделения властей, Коркунов отвергал общепринятое понимание разделения властей как обособление законодательной, исполнительной и судебной власти. Сущность разделения властей, по его мнению, заключается "в обеспечении свободы надлежащим распределением функций властвования". При безусловном единстве власти как силы, служащей объектом отношения, возможно, утверждал Коркунов, разделение распоряжения государственной властью.

Взаимное сдерживание органов власти, обеспечивающее свободу граждан, достигается, по его мнению, не только обособлением разных функций государственной власти, но и вообще "совместностью властвования", которое находит проявление в трех формах: 1) в осуществлении одной и той же функции несколькими независимыми друг от друга органами;

2) в распределении между несколькими органами различных, но взаимно обусловленных функций; 3) в осуществлении различных функций одним органом, но различным порядком. Эти формы могут образовывать всевозможные комбинации государственных органов. "Нет ни одного государства, – отмечал Коркунов, – где бы законодательство, исполнение и суд были строго обособлены друг от друга".

Возведением принципа разделения властей к более общему началу – совместного властвования, по мнению Коркунова, объясняется признание за правительством самостоятельного права издавать общие юридические правила в административном порядке. Установление законов и правительственных распоряжений (указов) в Российской империи служит лишь одним из проявлений совместного осуществления государственной власти. Взаимное сдерживание государственных органов выражается, по его мнению, в том, что указы имеют силу только при условии непротиворечия законам (законом Коркунов считал веление верховной власти, состоявшееся при участии Государственного совета; все остальные общие правила, исходящие от монарха, причисляются им к категории высочайших указов, издаваемых в порядке управления). Верховенство законов не может гарантироваться только депутатами либо министрами, необходимо, утверждал Коркунов, чтобы суду принадлежало право проверять юридическую силу указов. Поэтому отделение законодательной функции от правительственной возможно и в абсолютной монархии, где оно подходит под третью форму совместного властвования.

Рассуждая о государстве вообще или о государственном праве стран Запада, Коркунов нередко излагал радикальные идеи. Так, он неоднократно высказывался против ограничений избирательного права, поскольку "государство по самому существу своему призвано служить не отдельным классам, а быть организацией всего народа, как одного целого". При ограниченном представительстве, утверждал Коркунов, неизбежны противоречия между государством и теми слоями народа, которые не представлены в государственных органах, возникает опасность розни, недоверия между государством и обществом.

Особенные возражения Коркунова вызывали цензовые избирательные системы: "Против ограничения избирательного права имущественным цензом в какой бы то ни было форме говорит то веское соображение, что этим искусственно усиливается и так резко проявляющееся различие между имущими и неимущими. Крайнее неравенство экономических условий и вытекающая из этого зависимость неимущих от владельческих классов и так составляет самое больное место современного общества. А всякое искусственное усиление экономического неравенства неизбежно усиливает и так опасный антагонизм общественных классов".

Характеризуя государственный строй самодержавной России, Коркунов отмечал устарелость российских законов о правах гражданской свободы, противоречие между гласным судом и местным самоуправлением, с одной стороны, и "странным анахронизмом", каким является бесправие личности перед административным произволом и полное отсутствие хотя бы малейшей свободы общественной деятельности, с другой стороны.

Коркунов с сожалением отмечал, что в России "государственная служба является единственной формой участия подданных в общей политической жизни страны", и потому политические права имеет лишь "узкая сфера наличного служебного персонала", сформированная "на началах сословности", причем "административная власть вооружена правом устанавливать такие ограничения свободы, которые отнюдь не могут быть оправданы необходимостью". Однако Коркунов полагал, что ближайшей перспективой развития государственного строя России должна быть не представительная, ограниченная монархия, как в странах Запада, а "правомерная, но самодержавная монархия".

По мнению Коркунова, упорядочение издания законов, наделение судов правом разрешать противоречия между указами и законами, учреждение административной юстиции в виде самостоятельной системы судов, предоставление им права отмены незаконных распоряжений, обеспечение гражданских прав (неприкосновенность собственности, право граждан на подачу петиций) в России не требуют наделения

подданных политическими правами и создания представительства, ограничивающего власть самодержца. "Государь сосредоточивает в своих руках всю полноту верховной власти безраздельно, но осуществляет ее правомерно", – писал Коркунов.

Заметное место в развитии социологического направления права в России занимает историк и правовед, ученый и политический деятель, член I Государственной думы и Государственного совета, Максим Максимович Ковалевский (1851–1916). Он преподавал московском (1877–1887 гг.) и Петербургском (1906–1916 гг.) университетах конституционное право, историю политических учений, историю иностранного законодательства и другие предметы. Его перу принадлежит ряд ценных исследований по социологии ("Социология" в двух томах, 1910 г.), по сравнительно-историческому и сравнительно-правовому методам: "Общинное землевладение, причины, ход и следствие его разложения" (1879 г.), "Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории и права" (1880 г.), "Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении" (1886 г.), "От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений" в трех томах (1906 г.), "Общее учение о государстве" (1909 г.).

Учение Ковалевского о государстве и праве органически связано с его социологической концепцией. Методологической основой его учения явились доктрина О. Конта, взгляды Г. Спенсера, психология Г. Тарда, солидаристские доктрины Э. Дюркгейма и Л. Дюги. Известную формулу О. Конта "порядок и прогресс" он заменил более общим понятием "организация и эволюция". Не всякая эволюция прогрессивна, рассуждал Ковалевский, и не каждая организация основана на порядке – порядок обеспечен лишь там, где общество образует "замирную среду", основанную на общественной солидарности.

Каждая социальная группа, по Ковалевскому, есть прежде всего, "замирная среда", в которой вместо борьбы водворяется "солидарность, или сознание общности интересов и взаимной зависимости друг от друга". Факт солидарности, ее требования признаются обществом и становятся социальными нормами. Право возникает и изменяется в результате того, что появляется вначале состояние неудовлетворенности существующим положением вещей, возникают новые требования, которые "переходят силой подражания сперва в общественное мнение, в юридическое сознание масс, а затем – в обычай и закон". Право, по Ковалевскому, – это "нормы, ставящие себе целью поддержание и развитие солидарности", "приводимые в жизнь организованной силой общества – государством", обладающие принудительной силой.

Понятие права в концепции Ковалевского имеет двоякое значение: 1) право есть отражение требований солидарности и обусловленной ею идеи долга, заставляющей индивидов брать на себя обязанности, чтобы сохранить интерес группы; это право предшествует государству и порождает позитивное право; 2) позитивное право, имеющее нормативный характер и обеспечиваемое принудительной силой государства, выражает волю не отдельного класса, а целого общества; оно содержит правила, призванные либо расширить, либо ограничить свободу индивида (зависит от того, в какой степени государство берет на себя функции, ранее исполняемые общественными союзами).

Ковалевский отвергал идею прирожденных прав, идущих от "естественного состояния". "Всякая декларация неотъемлемых прав личности может сделаться тормозом для дальнейшего политического развития, если считать ее содержание раз навсегда установленным", – отмечал ученый.

Личные права, по мнению Ковалевского, не зависят от государства, которое не может их отменить, "так как признание их является таким же требованием общественной солидарности, как установление самого факта государственного общежития".

Возникновение и права, и государства, согласно его теории, обусловлено интересами общественной солидарности. Состояние "замирной среды" с присущей ей взаимозависимостью людей, подкрепляемое принудительной силой (вооруженным

насилием), ведет к объединению различных союзов в государстве.

Источник возникновения власти и государства Ковалевский под сильным влиянием теории Тарда усматривал "в психическом воздействии личностей, способных к инициативе, к творчеству, на массы, не способные ни к чему иному, как к подчинению своей деятельности чужому примеру и руководительству".

Ковалевский исследовал стадии развития общества и государства. Он писал, что догосударственному состоянию соответствует племенное княжество или правление совета старейшин (родовая организация). Государственности Античного мира свойственна непосредственная демократия, феодализму – сословная монархия, на смену которой приходит "всословная" стадия развития общества. Последней, по мнению Ковалевского, соответствуют вначале цезаризм, а затем конституционная монархия и республика, дополняемые референдумом и прямым законотворчеством избирательного корпуса.

Исторической закономерностью Ковалевский считал необходимость продвижения каждого общества от низшей к более высокой стадии. Однако этому прогрессу противоречит, писал Ковалевский, "противопоставление бедности и богатства, рознь между имущими и неимущими". Для преодоления этого противоречия он полагал необходимым усиление вмешательства государства в распоряжение собственностью в интересах земледельцев и рабочих, юридическое закрепление права на труд, свободную деятельность профсоюзов, их борьбу за социальные права.

Ковалевский оспаривал "социалистическую доктрину о государстве как о политическом владычестве господствующего экономического класса". Господство одной части общества над другой представлялось ему лишь исключением, нарушением закона общественной солидарности. С этих позиций им осуждалось любое государство, посягающее на "личные права", как "деспотическое государство", "якобинское сверху или снизу".

Ковалевский настойчиво обращал внимание на такое качество "всословного" общества, как провозглашение гражданского и политического равенства, прав и свобод личности, юридических гарантий этих прав и свобод, которые, по его мнению, обуславливают "общенациональный характер" права, согласование интересов личности, групп, классов, общества в соответствии с социальной солидарностью.

Ковалевский был сторонником глубоких реформ, ведущих к утверждению "всословного" (т.е. гражданского) общества. Он писал, что революция как средство социального изменения вызывается ошибками правительства, которое не удовлетворяет справедливые, естественные для своего времени требования народа. Кроме того, революция всегда предполагает насилие, а значит, нарушение "замыренной среды" в обществе. "Нам совершенно чужда мысль об уничтожении разом чего бы то ни было и создании сразу нового строя, новой религии или новой морали, – утверждал ученый. – При медленности общественных изменений прогресс более надежен, чем при их быстроте, эволюцию надо предпочитать революции, или, выражаясь языком Конта, прогресс желателен только под условием сохранения порядка".

Ковалевский не одобрял самодержавие, но был сторонником сохранения монархии в России: "Республика кажется мне в России так же мало мыслимой, как и монархия во Франции". Он считал возможным эволюционное развитие самодержавия в "демократическую монархию", основанную на конституции и представительном правлении. "Русская империя нуждается в более широких основах: она может быть только империей всенародной, – рассуждал Ковалевский. – Сохраняя наследственное руководство нации ее историческим вождем, положим в основу русского обновления систему самоуправления общества".

Теоретик права и государства Габриэль Феликсович Шершеневич (1863–1912) был профессором Казанского университета, а с 1906 по 1911 г. преподавал гражданское право в Московском университете. Ему принадлежит ряд крупных произведений: "История философии права" (1904–1905 гг.), "Наука гражданского права в России" (1893 г.), "Курс торгового права" (1899 г.), "Общая теория права" (1910–1912 гг.) в 4-х выпусках, "Общее

учение о праве и государстве" (1911 г.) и др. Ряд работ Шершеневич посвятил конкретным проблемам теории права: "О применении норм права" (1893 г.), "Общее определение понятия о праве" (1896 г.), "О чувстве законности" (1897 г.) и др.

Свое учение о праве и государстве Шершеневич создавал на основе формально-догматической методологии юридического позитивизма. Изучая правовые явления и конструируя свое понимание науки о праве, Шершеневич использовал также достижения социологии, философии, политической экономии и других наук.

Одной из центральных тем науки о праве в тот период было построение философии права и ее отграничение от общей теории права.

Философия права, по Шершеневичу, изучает право в двух аспектах: право, как оно есть, и право, каким оно должно быть. Теоретическая часть философии права должна исследовать догму права, т.е. основные понятия юридических наук – источники права, нормы права, правоотношения, применение права, юридическую ответственность, государство и общество. Изучая положительное право государства, писал Шершеневич, можно узнать тенденции развития права того или иного государства, однако невозможно и нет необходимости постигать вечную идею права. Научная философия права, считал Шершеневич, строит свои понятия только на позитивном (действующем) праве; лишь таким способом возможно исследование проблем государства и права с позиций историко-сравнительного правоведения.

Ошибка современного правоведения, полагал Шершеневич, в том, что оно "тоскует по идеалу" вместо того, чтобы заняться исследованием юридических вопросов, определяемых временем и местом, т.е. правом, как оно есть.

Понятие права, утверждал Шершеневич, включает в себя только положительное, действующее право. Объективное право – совокупность правовых норм, субъективное право – "возможность осуществления своих интересов субъектом права".

Шершеневич доказывал, что объективное и субъективное право – это не две стороны одного понятия, как утверждали Иеринг и другие представители социологической юриспруденции, а самостоятельные и совершенно различные понятия. Если субъективному праву всегда соответствует объективное право, то последнее может вполне существовать без субъективного права. Объективное право, по Шершеневичу, – основное понятие права, субъективное право – производное.

К сущностным чертам права ученый относил следующие: 1) право предполагает поведение лица, 2) право обладает принудительным характером, 3) право всегда связано с государственной властью. Эти неотъемлемые элементы права образуют представление о его понятии. Право, утверждал Шершеневич, – это норма должного поведения человека, неисполнение которой влечет за собой принуждение со стороны государственных органов.

Шершеневича тревожило чрезмерно расширительное толкование права – распространение названия "право" на другие отношения, которые не подпадают под действие права или подпадают только отчасти. "Расширение права, – писал он, – производится главным образом за счет нравственности. Право часто приписывает себе то, что на самом деле создается и поддерживается моралью, не так заметно для глаза, но зато гораздо прочнее". Поэтому философия права должна четко отграничивать правовое от неправового.

Шершеневич признавал, что право как явление общественное есть понятие социологическое, и потому уяснение сущности права невозможно без понимания его проявлений в других областях. Однако это не должно быть делом юристов, а должно исследоваться другими общественными науками. Любой "дуализм права", т.е. противопоставление действующему праву "идеального права", Шершеневич последовательно отвергал. Понятие естественного права, замечал он, на протяжении всей истории имело самые разные толкования. За естественным правом признавалось значение либо методологии ("что было бы, если бы не было государства"), либо исторической гипотезы ("право, которое существовало в естественном состоянии до перехода к

государственному"), либо политического и юридического идеала ("то право, которое должно бы действовать вместо исторически сложившегося порядка"), наконец, естественное право восполняло пробелы действующего права ("то право, которое должно применяться там, где молчат законы, а иногда и там, где они явно противоречат разуму").

Особо жесткой критике Шершеневич подвергал возникшую в те годы концепцию естественного права с изменяющимся содержанием. Он считал, что эта концепция не только научно несостоятельна, но и социально вредна, поскольку стремится подменить действующее право меняющимся идеалом. Шершеневич доказывал опасность дуализма – "исторически сложившегося права и умопостигаемого". Противопоставление действующего права и права "идеального" ведет, по его мнению, к удвоению правового порядка, смешению права с другими социальными нормами.

Понятие права Шершеневич строго отграничивал от понятия нравственности. Выступая против деления норм нравственности на индивидуальные и социальные, он утверждал, что нормы нравственности всегда имеют социальный характер, поскольку они определяют требования общества к человеку. Нравственное поведение обуславливается, по его учению, социальным авторитетом; на этом основании Шершеневич полемизировал с Кантом, утверждая, что нравственный закон не в нас, а вне нас (как и "звездное небо"). Абсолютной и неизменной нравственности не существует, все нравственные понятия относительны и исторически обусловлены. "Что общего между ветхозаветным принципом возмездия и новозаветным началом прощения врагам?" – Шершеневич утверждал, что критерий нравственности находится не в самом поведении человека, а в отношении поведения к чему-либо; таким формальным моментом изучения нравственности должны стать общественная полезность действий и "запрет действий, которые, по данным опыта, угрожают обществу вредом". Только в этом "благополучии значительного большинства членов общества", писал Шершеневич, следуя Бентаму, "совпадают нравственные представления разных народов в разное время".

Шершеневич полагал, что принудительный характер права не позволяет относить к нормам права конституционное, каноническое и международное право.

Нормы права выражают требования, обращенные государственной властью к подчиненным ей лицам, поэтому, отмечал ученый, "правила, определяющие устройство и деятельность самой государственной власти", т.е. конституция, не может иметь правового характера. "Писаная конституция есть фиксирование общественного взгляда на взаимное отношение элементов государственной власти..." Те, кто думает, что писаная конституция способна "точно определить образ действия власти", отмечал Шершеневич, глубоко ошибается, но их "ошибка не в том, что писаную конституцию считают силой, а в том, что ее признают правом и ожидают от нее тех гарантий, какие связаны с правом, тогда как она может дать только гарантии, какие заключаются в общественном мнении". Шершеневич утверждал, что государственная власть не может быть подчинена праву, потому что "требование, обращенное к самому себе под угрозой, не имеет никакого значения". Действия государственной власти находятся всецело под санкцией общественного мнения, т.е. в сфере морали.

Церковные каноны тоже не могут иметь правового характера, так как они исходят не от государства, а от церкви, регламентируют внутренние отношения среди членов церкви и поддерживаются не правовой, а религиозной санкцией.

Правовой характер не могут носить и те правила, которыми определяются взаимные отношения государств. Правила международного общения, по убеждению Шершеневича, поддерживаются только силой международного общественного мнения, которое не обладает свойствами организованного принуждения.

Шершеневич писал, что государство является источником права. Согласно его концепции, государство есть явление первичное, а право – вторичное. На этом основании он выступал с критикой идеи правовой связанности государства им же самим созданным правом, которой придерживались Еллинек, Дюги, Штаммлер и другие теоретики. Теория правового

государства, утверждал Шершеневич, не имеет теоретического обоснования и практического значения.

"Дело не в том, чтобы связать государство правовыми нитками подобно тому, как лилипуты связали Гулливера. Вопрос в том, как организовать власть так, чтобы невозможен был или был доведен до минимума конфликт между правом, исходящим от властвующих, и нравственными убеждениями подвластных". Государство, согласно Шершеневичу, предшествует праву и исторически и логически. "Для признания за нормами правового характера необходимо организованное принуждение, которое только и способно отличить нормы права от всех иных социальных норм и которое может исходить только от государства". Однако, размышлял ученый, не санкционируется ли таким образом произвол властей?

Шершеневич всецело разделял положение Иеринга о том, что "право есть хорошо понимаемая политика силы". Эту идею самоограничения власти Шершеневич развивал как противовес теории правового государства. Он говорил о политике фактического самоограничения государственной власти, которая в своих же собственных интересах устанавливает границы возможному произволу со стороны должностных лиц и государственных органов.

Право представляет собой, по его учению, "равнодействующую двух сил, из которых одна имеет своим источником интересы властвующих, а другая – интересы подвластных".

Граница между правом и произволом заключается в том, отмечал Шершеневич, что "право есть правило поведения и должно быть соблюдаемо самой властью, его устанавливающей". Если же государственная власть, установившая правило, не считает нужным его соблюдать, а действует в каждом конкретном случае по своему усмотрению, то право сменяется произволом. В отличие от шайки разбойников государство проявляет свою волю в нормах, которые оно соблюдает, пока они не заменены новыми. Кроме того, различие между государством и шайкой разбойников заключается в том, что последняя пользуется силой для разрушительных целей, а государство обращает свою силу на созидательные цели.

Шершеневич призывал исследовать социальную направленность деятельности современного ему государства. Государство, по его мнению, само заинтересовано в благосостоянии своих граждан и, как результат, в стабильности государственной власти, поэтому оно "спешит содействовать экономической деятельности частных хозяйств организацией кредита, страхования, улучшением путей сообщения, отысканием новых рынков..." Вместе с тем государство "стремится развить в гражданах свободную инициативу", которая предполагает чувство свободы, законность и доверие к общественным и государственным силам. Для этого, утверждал Шершеневич, государство должно пойти по пути оказания помощи слабейшему посредством социального законодательства и демократизации государства.

Шершеневич писал, что государство и общество оказывают взаимное влияние друг на друга. В пределах территории государства существуют многочисленные и разнообразные общественные интересы: национальные, профессиональные, религиозные и другие, которые могут объединять людей совсем независимо от государственного интереса и его политики. Общество может одобрять, поддерживать, относиться сочувственно к политическому режиму своего государства, но может и воздействовать на политику государства через общественное мнение, выборы, референдум, отказ от уплаты налогов, восстания.

В основе деятельности любого государства, утверждал Шершеневич, лежит инстинкт политического самосохранения. Общий интерес, по его мнению, нередко является интересом только властвующих лиц, и чем дальновиднее они оказываются, чем лучше умеют они согласовывать свои частные интересы с потребностями большинства, тем прочнее государство. Для этого политика государства должна быть достаточно гибкой, чтобы умело приспособляться к новым общественным условиям. "Прогрессивность того или другого государства обнаруживается именно в том, что оно сумело раньше и лучше уловить требования времени и приспособиться к ним, вызывая в других, по необходимости,

подражание", – писал Шершеневич. А потому, выступая с требованием реорганизации общественной жизни в России, он считал путь реформ единственно приемлемым как для существования и развития общества, так и для сохранения политической власти государства.

Шершеневич выступал против отождествления понятий правового и конституционного государства. По его мнению, правовое государство – это теоретическая конструкция, а конституционное государство – это средство для осуществления политики реформ в цивилизованном обществе.

Шершеневич считал безусловно необходимым исследование тех явлений и отношений, которые влияют на содержание правовых норм и на их применение к правовым отношениям.

Однако он возражал против замены правовой догматики социологическим правоведением либо естественно-правовыми воззрениями. Изучать догму и технику права, подчеркивал Шершеневич, особенно важно для юриста-практика, который стоит вне идеологии государства и политики права.

Разработанная им теория права и государства на основе формально-догматического метода имеет большое значение и в настоящее время. "Общая теория права" Шершеневича, переизданная в 1995 г., во многом не утратила значения для преподавания теории государства и права, истории политических и правовых учений.

Возникновение психологических концепций права было связано с процессом становления психологии как самостоятельной отрасли знаний. Интерес обществоведов к проблемам психологической науки заметно возрос на рубеже XIX–XX вв., когда в ней возобладали экспериментальные методы исследований и начали складываться крупные научные школы, разошедшиеся в трактовке психики человека (рефлексология, бихевиоризм, фрейдизм и др.). Воспринятые социологами и юристами, идеи этих школ положили начало формированию новых направлений в общественно-политической мысли.

Оригинальную психологическую теорию права выдвинул Лев Иосифович Петражицкий (1867–1931) – профессор юридического факультета Петербургского университета, депутат I Государственной думы от партии кадетов. Его взгляды наиболее полно изложены в книге "Теория права и государства в связи с теорией нравственности" (1907 г.). После Октябрьской революции он переехал в Польшу и возглавил кафедру социологии Варшавского университета.

Петражицкий исходил из того, что право коренится в психике индивида. Юрист поступит ошибочно, утверждал он, если станет отыскивать правовой феномен "где-то в пространстве над или между людьми, в "социальной среде" и т.п., между тем как этот феномен происходит у него самого, в голове, в его же психике, и только там". Интерпретация права с позиции психологии индивида, считал Петражицкий, позволяет поставить юридическую науку на почву достоверных знаний, полученных путем самонаблюдения (методом интроспекции) либо наблюдений за поступками других лиц.

Источником права, по убеждению теоретика, выступают эмоции человека. Свою концепцию Петражицкий называл "эмоциональная теория" и противопоставлял ее иным психологическим трактовкам права, исходившим из таких понятий, как воля или коллективные переживания в сознании индивидов.

Эмоции служат главным побудительным ("моторным") элементом психики. Именно они заставляют людей совершать поступки. Петражицкий различал два вида эмоций, определяющих отношения между людьми: моральные и правовые. Моральные эмоции являются односторонними и связанными с осознанием человеком своей обязанности, или долга. Нормы морали – это внутренние императивы. Если мы подаем из чувства долга милостыню, приводил пример Петражицкий, то у нас не возникает представлений, что нищий вправе требовать какие-то деньги. Совершенно иное дело – правовые эмоции. Чувство долга (обязанности) сопровождается в них представлением о правомочиях других лиц, и наоборот. "Наше право есть не что иное, как закрепленный за нами, принадлежащий нам – как наше добро – долг другого лица". Правовые эмоции являются двусторонними, а возникающие из них правовые нормы носят атрибутивно-императивный (предоставительно-

обязывающий) характер.

Теория Петражицкого безгранично расширяла понятие права. Он считал правовыми любые эмоциональные переживания, связанные с представлениями о взаимных правах и обязанностях. Петражицкий относил к правовым нормам правила различных игр, в том числе детских, правила вежливости, этикета и т.п. В его сочинениях специально оговаривалось, что правовые нормы создаются не путем согласования эмоций участников общественных отношений, а каждым индивидом в отдельности: "Переживания, которые имеются в психике лишь одного индивида и не встречают признания со стороны других, не перестают быть правом". На этом основании Петражицкий допускал существование правовых отношений с неодушевленными предметами, животными и нереальными субъектами, такими, как бог или дьявол.

Приведенные высказывания вызвали резкую критику в отечественной литературе. Юристы нередко обращали внимание на абсурдность отдельных выражений Петражицкого, не замечая, что за ними стоит теоретическая проблема. Петражицкий стремился найти универсальную формулу права, которая охватывала бы различные типы правопонимания, известные истории (включая договоры с богом и дьяволом в правовых системах прошлого). Его концепция явилась одной из первых попыток, теоретически во многом незрелой, проследить формирование юридических норм в правосознании.

Многочисленные правовые нормы, создаваемые индивидами, неизбежно вступают в противоречия друг с другом, указывал Петражицкий. На ранних этапах истории способом их обеспечения выступало самоуправство, т.е. защита нарушенного права самим индивидом или группой близких ему лиц. С развитием культуры правовая защита и репрессия упорядочиваются: возникает система фиксированных юридических норм в форме обычаев и законов, появляются учреждения общественной власти (суд, органы исполнения наказаний и т.п.). Монополизируя функции принуждения, государственная власть способствует "определенности права".

Развитие обычаев и законодательства вместе с тем не вытесняет полностью индивидуальные правовые переживания, утверждал Петражицкий. В современных государствах наряду с официально признанным правом существует, по его мнению, множество систем интуитивного права, как, например, право зажиточных слоев, мещанское право, крестьянское, пролетарское, право преступных организаций. Психологическая теория в этом отношении приближалась к идеям правового плюрализма, однако право социальных классов и групп в ней было истолковано индивидуалистически. "Интуитивных прав столько, сколько индивидов", – подчеркивал Петражицкий.

Соотношение интуитивного и официального права, по теории Петражицкого, в каждой стране зависит от уровня развития культуры, состояния народной психики. Россия является "царством интуитивного права по преимуществу". В ее состав входят народы, стоящие на разных ступенях развития, с множеством национальных правовых систем и религий. К тому же, полагал ученый, российское законодательство находится в неудовлетворительном состоянии, а его применение сплошь и рядом подменяется официальным действием интуитивно-правовых убеждений. Петражицкий ратовал за проведение в стране унификации позитивного права, создание полного свода российских законов. Передовое законодательство, по его словам, ускоряет развитие менее культурных слоев общества.

Одновременно Петражицкий подчеркивал недопустимость возведения интуитивного права даже наиболее образованных социальных классов в масштаб для оценки действующих законов. Реформы законодательства, как он полагал, необходимо проводить на основе научных знаний. В связи с этим им выдвигался проект создания особой научной дисциплины – политики права. С точки зрения Петражицкого философия права распадается на две самостоятельные науки: теорию права и политику права. Теория права должна быть позитивной наукой, без каких-либо элементов идеализма и метафизики. Политика права как прикладная дисциплина призвана соединить знания о праве с общественным идеалом, т.е. представить научное решение проблемы, составлявшей содержание прежних естественно-

правовых учений.

Петражицкий не оставил подробных рекомендаций относительно практического осуществления политики права. Свою задачу он видел в том, чтобы наметить отправные принципы новой юридической науки, обосновать ее необходимость. Вполне ясно ему было одно: главенствующее положение в правовой политике государства должны занимать не принудительные меры, а механизмы воспитательного и мотивационного воздействия на поведение людей. Лишь с помощью таких механизмов официальное право способно направить развитие народной психики к общему благу.

Общественно-политические идеалы Петражицкого были близки к этическому социализму, получившему распространение в России на рубеже XIX–XX вв. Для современной эпохи, отмечал он, характерны процессы "социализации производства", замены "деспотического режима системой государственного и общинного самоуправления". В будущем право изживет себя и уступит место нормам нравственного поведения. "Вообще право существует из-за невоспитанности, дефектности человеческой психики, и его задача состоит в том, чтобы сделать себя лишним и быть упраздненным".

Учение Петражицкого пользовалось большой популярностью среди сторонников партии кадетов. Под влиянием его идей происходило формирование взглядов многих представителей немарксистского социализма в России того времени (Г.Д. Гурвич, П.А. Сорокин и др.). Сближению психологической концепции права с марксизмом способствовал М.А. Рейснер, один из первых советских правоведов.

Правовая доктрина Петражицкого привлекла внимание социологов к проблемам нормативной природы и структуры правосознания, стимулировала исследования в области юридической психологии.